

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пензенский государственный университет»

Юридический институт

Кафедра «ГПД»

Направление подготовки 40.04.01.

«Юриспруденция»

Магистерская программа Конституционное право; муниципальное право
(наименование)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
на тему: Электронные доказательства в контексте электронного
правосудия: конституционно-правовое исследование

Студент группы: 19ЮЮм1 _____ Гуськов Дмитрий Алексеевич
подпись, дата фамилия, инициалы

Научный руководитель к.ю.н., доцент _____ Гусева А.Л.
должность подпись, дата фамилия, инициалы

Консультанты:

по _____
наименование раздела, звание, должность подпись, дата фамилия, инициалы

по _____
наименование раздела, звание, должность подпись, дата фамилия, инициалы

Нормоконтролер: доцент кафедры «ГПД» _____ Логачева Н.В.
должность подпись, дата фамилия, инициалы

Рецензент: мировой судья
судебного участка №3
Железнодорожного района г. Пензы _____ Кириянов А.Ю.
должность подпись, дата фамилия, инициалы

Работа допущена к защите в (протокол заседания кафедры от _____ 2021 № ____)

Заведующий кафедрой «ГПД» _____ Романовская О.В.
название подпись, дата фамилия, инициалы
Работа защищена с оценкой _____ (Протокол от _____ 2021г. № ____)

Секретарь ГЭК _____ Антипкина Е.Г.
подпись, дата фамилия, инициалы

Пенза 2021 г.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Юридический институт
Специальность «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ

Зав.кафедрой ГПД

название

_____/О.В. Романовская/

(инициалы и фамилия)

_____ 2019 г.

ЗАДАНИЕ

на выпускную квалификационную работу студента гр. № 19ЮЮм1

Гуськова Дмитрия Алексеевича

(фамилия, имя, отчество)

- 1. Тема работы** – «Электронные доказательства в контексте электронного правосудия: конституционно-правовое исследование».
- 2. Научный руководитель** – к.ю.н., доцент каф. ГПД ПГУ Гусева А.Л.
- 3. Дата выдачи задания** – 30.11.2019.
- 4. Срок сдачи студентом законченной работы** – 08.06.2021.
- 5. Перечень подлежащих разработке вопросов** – рассмотрение понятия, видов и свойств доказательств, исследование конституционных основ правового регулирования электронных доказательств, анализ проблем использования электронных доказательств, рассмотрение конституционных принципов правосудия в России, исследование особенностей и перспектив развития электронного правосудия, анализ зарубежного опыта осуществления электронного правосудия, рассмотрение практики использования электронных доказательств в судопроизводстве, исследование проблем корреляции электронных доказательств и электронного правосудия.

6. Консультанты по работе, с указанием относящихся к ним разделов работы

Раздел	Консультант	Задание выдал	Выполненное задание принял
Введение		Гусева А.Л. 30.11.2019	Гусева А.Л. 30.12.2019
Электронные доказательства в системе доказательств		Гусева А.Л. 30.12.2019	Гусева А.Л. 08.06.2020
Электронное правосудие: становление и развитие		Гусева А.Л. 08.06.2020	Гусева А.Л. 08.12.2020
Влияние развития электронного правосудия на использование электронных доказательств		Гусева А.Л. 08.12.2020	Гусева А.Л. 30.04.2021
Заключение		Гусева А.Л. 30.04.2021	Гусева А.Л. 03.06.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1 ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.....	9
1.1 Понятие, виды и свойства доказательств.....	9
1.2 Конституционные основы правового регулирования электронных доказательств.....	16
1.3 Проблемы использования электронных доказательств.....	23
2 ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ.....	32
2.1 Конституционные принципы правосудия в России.....	32
2.2 Особенности и перспективы развития электронного правосудия.....	40
2.3 Зарубежный опыт осуществления электронного правосудия.....	50
3 ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.....	58
3.1 Практика использования электронных доказательств в судопроизводстве.....	58
3.2 Проблемы корреляции электронных доказательств и электронного правосудия.....	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	78

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы магистерской диссертации обусловлена следующим. В соответствии со статьей 118 Конституции РФ правосудие в России осуществляется только судом. Статья 49 Конституции РФ, закрепляя фундаментальные права человека в сфере доказывания во время судебного процесса, защищает каждого от неправомерного приговора, основанного на бездоказательных обвинениях. Отраслевое законодательство в сфере гражданского, уголовного, административного и арбитражного процессов, развивая конституционные установления, опирается на неизменном принципе необходимости доказывания тех обстоятельств, на которые сторона процесса ссылается. Без доказательств и доказывания невозможно объективное судебное разбирательство и вынесение объективного решения, что придает самим доказательствам чрезвычайно большое значение.

Вместе с тем, современное общество активно использует цифровые технологии, внедрившиеся во все сферы жизни людей, что не может не повлиять на характер собираемых по делу доказательств. При помощи электронных средств люди стали все больше пользоваться государственными услугами в дистанционном формате, осуществлять банковские операции, совершать покупки, заказывать билеты на поезда и самолеты, отправлять электронные сообщения и т.д. Большая часть социального взаимодействия перешла в цифровую сферу, а значит, в случае возникновения конфликтов, нуждающихся в судебном разрешении, немалая часть доказательств, подтверждающих те или иные перемещения, договоренности и т.д. будет находиться в электронном виде. В этой связи, вопросы предъявления электронных доказательств, их допустимости и достоверности, а также правового регулирования использования таких доказательств делает выбранную тему весьма актуальной.

Также актуализирует тему работы необходимость исследования перехода судов на электронное правосудие, ставшее особенно заметным во

время принятия ограничительных мер, вызванных распространением коронавирусной инфекции. Степень и пределы возможности подачи в суд электронных документов, участия в судебном заседании дистанционно, а также дальнейшие перспективы развития электронного правосудия, нуждаются во всестороннем рассмотрении.

Несомненна связь между электронным правосудием и электронными доказательствами, при которой электронное правосудие не сможет полноценно осуществляться без использования электронных средств доказывания. Следовательно, развитие электронного правосудия детерминирующего внедрение электронных доказательств в судебный процесс, вызывает проблемы нормативно-правового регулирования режима таких доказательств, что также нуждается в исследовании.

Объектом магистерской диссертации являются конституционно-правовые вопросы и отраслевое нормативно-правовое регулирование общественных отношений, складывающихся в сфере осуществления правосудия.

Предметом исследования являются урегулированные нормами права общественные отношения, возникающие по поводу использования электронных доказательств в контексте электронного правосудия.

Целью магистерской диссертации является установление на основе конституционных принципов правосудия характера и пределов использования электронных доказательств в контексте электронного правосудия, выявление возникающих в этой сфере проблем, а также внесение предложений по их устранению.

Поставленная цель обуславливает решение следующих задач исследования:

- рассмотрение понятия, видов и свойств доказательств;
- исследование конституционных основ правового регулирования электронных доказательств;
- анализ проблем использования электронных доказательств;

- рассмотрение конституционных принципов правосудия в России;
- исследование особенностей и перспектив развития электронного правосудия;
- анализ зарубежного опыта осуществления электронного правосудия;
- рассмотрение практики использования электронных доказательств в судопроизводстве;
- исследование проблем корреляции электронных доказательств и электронного правосудия.

Новизна магистерской диссертации обусловлена постановкой проблемы и заключается в том, что в ходе исследования была дана конституционно-правовая оценка современным электронным средствам доказывания, их допустимости, достоверности, пределам использования, а также неразрывной связи электронного правосудия с электронными доказательствами.

Теоретическая и практическая значимость магистерской диссертации заключается в том, что основные положения и выводы исследования могут быть использованы в последующих научных изысканиях, посвященных данной тематике, а также в законотворческой деятельности, направленной на совершенствование правового регулирования использования в суде электронных доказательств.

В ходе работы были использованы такие методы исследования как общенаучный, из которого использовались анализ, синтез, дедукция, системный подход, функциональный подход, частнонаучные методы – формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и др.

Нормативную и эмпирическую основу исследования составили Конституция РФ, Федеральные конституционные законы, Федеральные законы, подзаконные акты, Постановления Конституционного Суда РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, Постановления Президиума Верховного Суда РФ, судебная практика.

Теоретическую основу магистерской диссертации составили труды таких авторов как Алисов А.Н., Бутусова Н.В., Боннер А.Т., Баглай М.В., Вершинин А.П., Голубцов В.Г., Мамычева А.Ю., Мордовцева А.Ю., Осокина Г.Л., Петрук Г.В., Решетняк В.И., Смагина Е.С., и др.

Структура магистерской диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения и списка использованных источников.

1. ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

1.1 Понятие, виды и свойства доказательств

В соответствии с частью 1 статьи 46 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется судебная защита принадлежащих ему прав и свобод. Реализуя конституционное право на обращение в суд, гражданин может обжаловать действия органов государственной и муниципальной власти, разрешать споры о праве с другими гражданами. Кроме того, человек может стать участником уголовного или административного процесса, в которых он вправе отстаивать свою свободу, права и законные интересы. Во всех случаях судебного разбирательства для правильного и объективного разрешения дела необходимо установление фактов, на основании которых выясняются те или иные обстоятельства, влияющие на исход дела. Следовательно, наличие либо отсутствие необходимых фактов должно быть подтверждено, либо опровергнуто конкретными сведениями, приведение которых делает факт доказанным, без чего установление истины становится затруднительным. В этой связи доказательства играют одну из важнейших ролей в судебном процессе, выступая необходимым элементом судебной защиты и гарантий конституционных прав граждан, участвующих в деле.

Определяя понятие доказательств, прежде всего, необходимо обратиться к их легальной дефиниции. Так, согласно части 1 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ доказательствами являются любые сведения, полученные судом, органами прокуратуры, дознания, а также следственными органами, подтверждающие наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть 1). Ст. 4921.

В соответствии с частью 1 статьи 26.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях доказательства представляют собой фактические данные, на основании которых орган или должностное лицо, в производстве которых находится дело, выясняют наличие или отсутствие ряда обстоятельств (включающих событие правонарушения и виновность привлекаемого к ответственности лица), имеющих значение для правильного разрешения дела¹.

Согласно части 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса РФ доказательствами выступают полученные на основе закона сведения о фактах, позволяющих установить обстоятельства, имеющие значение для дела, включая обстоятельства, подтверждающие требования и возражения сторон процесса². Схожие по смыслу определения даются частью 1 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ³ и частью 1 статьи 59 Кодекса административного судопроизводства РФ⁴.

Как видно, из приведенных определений, в соответствии с действующим законодательством, доказательствами в обобщенном виде являются определенные сведения о фактах, полученные способом, предусмотренным или как минимум не противоречащем закону. Сами факты должны быть необходимы для установления тех или иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

То есть в основе любого доказательства находятся определенные сведения, составляющие непосредственное содержание доказательства. Согласимся с Е.В. Брянской в том, что существовавшее ранее в уголовном законодательстве определение доказательств не как сведений о фактах, а как фактических данных вызывало разночтения, при котором под доказательствами одни понимали сведения о фактах, а другие понимали сами

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ от 7 января 2002 г. № 1 (часть 1). Ст. 1.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 18 ноября 2002 г. № 46. Ст. 4532.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3012.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 9 марта 2015 г. № 10. Ст. 1391.

факты¹. Отметим, что формулировка «фактические данные» сохранилась в Кодексе РФ об административных правонарушениях, притом, что более корректной, по нашему мнению, является формулировка «сведения о фактах». При этом, как указывают Н.Д. Эриашвили и В.Н. Галузо источниками получаемых сведений могут быть свидетельские показания, объяснения сторон, аудио и видеозаписи, документы и т.д., что может быть одним из оснований классификации доказательств².

Необходимость классификации доказательств вызвана их большим разнообразием и неоднородностью источников. Также приведенная классификация позволит нам определить место электронных доказательств в общей системе доказательств.

В юридической науке доказательства делят по разным основаниям. Так, в зависимости от того, какова связь имеющихся сведений с предметом доказывания, доказательства подразделяются на прямые и косвенные.

Прямые доказательства позволяют установить обстоятельства, имеющие значение для дела непосредственно, минуя промежуточные звенья. В отличие от прямых, косвенные доказательства представляют собой сведения, не устанавливающие обстоятельства, входящие в предмет доказывания, но указывающие на иные обстоятельства, свидетельствующие о возможности доказываемых обстоятельств. К примеру, если человек, управлявший автомобилем, совершил наезд на прохожего, то наличие отпечатков пальцев водителя на руле не является прямым доказательством, так как оно доказывает только то, что он держался за руль. Это косвенное доказательство, нуждающееся в сопоставлении с другими сведениями и рассмотрении их в совокупности. Исходя из этого, большинство доказательств может рассматриваться как прямые или косвенные в зависимости от их связи с предметом доказывания. Так, свидетельские показания являются прямым доказательством, если свидетель

¹ Брянская Е.В. Понятие и виды доказательств в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 4 (63). С. 86-92.

² Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. Доказывание в гражданском процессе РФ: состояние теории и законодательства // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. С. 98-100.

непосредственно видел совершение правонарушения, и косвенным доказательством, если он не присутствовал при совершении правонарушения, но располагает сведениями о подготовке подозреваемого к его совершению.

По источнику сведений различают первоначальные (первичные) и производные доказательства. Первоначальные доказательства непосредственно отображают факт, подлежащий установлению. К ним следует отнести подлинник документов или показания очевидца того или иного события. Производные доказательства характеризуются промежуточными носителями сведений, к которым можно отнести показания не самого очевидца, а показания с его слов другого лица. Недостаток производных доказательств в том, что они имеют более высокую вероятность искажений, чем первичные, но их использование допустимо в случае невозможности получения первичных доказательств, а также для проверки иных полученных сведений.

С точки зрения механизма формирования доказательств их делят на вещественные (материальные) и личные (отражающие события в сознании людей). По мнению К.Д. Муратова к вещественным доказательствам относятся документы, материальные события, информационные, биологические, электронные и иные следы¹. Что касается личных доказательств, то они исходят от самого человека и представляют собой показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, объяснения истца, ответчика, третьих лиц и др. При этом, если документы своим содержанием отражают мысли человека, то они могут быть отнесены к категории личных доказательств.

Примечательно, что действующее законодательство разграничивает письменные и вещественные доказательства. Так, в соответствии со статьей 71 Гражданского процессуального кодекса РФ письменные доказательства –

¹ Муратов К.Д. Вещественные доказательства в системе доказательств в уголовном судопроизводстве // Закон и право. – 2021. – № 2. С. 83-88.

это справки, договоры, акты, решения суда, протоколы и иные документы, в том числе представленные в электронном виде, имеющие значение для разрешения дела, а согласно статье 73 этого Кодекса вещественные доказательства представляют собой предметы, являющиеся средством установления тех или иных обстоятельств дела. В этой связи, не только для гражданского процессуального права, но и для уголовного процесса представляет интерес вопрос об отнесении к той или иной категории доказательств информации в электронном виде, находящейся на материальном носителе¹.

Любое доказательство, вне зависимости от того к какому виду оно относится, должно обладать такими свойствами как относимость, достоверность, допустимость, а для общего решения по делу необходима достаточность доказательств.

Относимость доказательства характеризует содержание заключенных в нем сведений. Как указывают Р.Б. Гандалоев и А.А. Албогачиев, используемое доказательство должно быть непосредственно связано с рассматриваемым делом. В ситуации, когда какие-то сведения устанавливают факт, не имеющий отношения к делу, эти сведения не будут к нему относиться, а, следовательно, и само доказательство не будет отвечать требованиям относимости². Действительно, если рассматривается дело, к примеру, о дорожно-транспортном происшествии, то сведения о том, что привлекаемое к ответственности лицо уклоняется от уплаты алиментов не могут быть доказательствами по делу, так как не имеют к нему никакого отношения.

Достоверность доказательств характеризует как их содержание, так и форму. На достоверность отраженных в документе на бумажном носителе сведений может указывать предоставление подлинника этого документа, наличие на нем необходимых реквизитов, нотариальное удостоверение его

¹ Федюкина А.Ю. О месте электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. С. 81 – 83.

² Гандалоев Р.Б., Албогачиев А.А. Понятие доказательств и доказывания // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 5. С. 65-68.

копии и т.д. Если же предоставляются электронные доказательства, то в зависимости от характера этих доказательств, их достоверность может подтверждаться электронной подписью, временем изменения электронного документа, отсутствием следов склейки, монтажа и иными способами, которые в силу развития цифровых технологий, используемых для подделки электронных доказательств в совокупности с отставанием в технических возможностях экспертизы, не всегда являются гарантией их подлинности.

Допустимость доказательств означает получение необходимых сведений только законным способом. В соответствии с частью 2 статьи 50 Конституции РФ использование доказательств, собранных с нарушением закона недопустимо. Имея конституционное закрепление, данный принцип получил отражение в отраслевом процессуальном законодательстве, ставя форму доказательства, по сути, выше его содержания. То есть, если доказательство обладает свойствами относимости и достоверности, но получено незаконным способом, то даже безоговорочно указывая на вину гражданина не может быть использовано по формальным, процедурным причинам, так как формальная сторона, исходя из части 2 статьи 50 Конституции РФ перевешивает содержательную.

С одной стороны это может показаться неразумным, ведь если человек изобличен, но в процессе сбора доказательств его вины были допущены ошибки, то даже имея достаточные и прямые доказательства, этого человека нельзя привлекать к ответственности на основании таких доказательств, что позволит виновному избежать наказания. Однако, с другой стороны, рассматриваемый нами конституционный принцип недействительности незаконно полученных доказательств направлен на защиту прав и законных интересов каждого человека от возможного произвола со стороны правоохранительных органов, чем обеспечивается безопасность всего общества. В конечном итоге реализация этого принципа предотвращает значительно больше негативных последствий, чем его нарушение в угоду целесообразности. Ведь возможное избегание наказания виновным во

многим зависит от качества работы правоохранительных органов и при должном уровне их профессионализма не является массовым явлением. Если же допустить использование доказательств полученных с нарушением закона, то правоохранительным органам не потребуется соблюдать закон, охраняющий конституционные права и свободы граждан, что таит в себе угрозу превышения должностных полномочий и злоупотребления властью, которые наносят как отдельной личности, так и всему обществу существенный ущерб.

Совокупность доказательств образует их достаточность, при которой важным является не количество доказательств, а их вес. То есть одно прямое доказательство способно перевесить несколько косвенных. Так же как и несколько косвенных, но вещественных доказательств может быть убедительней прямого, но являющегося личным (к примеру, показания свидетеля, в отношении которого есть основания полагать его заинтересованность в исходе дела). Оценка достаточности доказательств, помимо объективных факторов, во многом зависит от субъективного усмотрения правоприменителя, выносящего окончательное решение¹.

Важно отметить, что ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной силы. Обусловлено это фундаментальным конституционным принципом, согласно которому правосудие осуществляется только судом. Если бы, к примеру, заключение эксперта или содержание какого-либо документа были бы безусловно обязательны для суда, то уже от эксперта или от создателя документа зависело бы окончательное решение, что по сути явилось бы подменой ими суда при вынесении решения. По этой причине суд критически оценивает любые, даже прямые доказательства, может их отвергнуть, а гарантией защиты от произвола судьи выступает возможность пересмотра решения судом вышестоящей инстанции.

¹ Никитин А.А. Установление фактической основы дела как элемент механизма формирования правоприменительного усмотрения // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2020. Том 1. – № 3. С. 36-47.

Завершая параграф, можем сделать следующие выводы. Доказательствами являются полученные предусмотренным законом способом определенные сведения о фактах, которые необходимы для установления тех или иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. По своей природе доказательства весьма разнообразны, что позволяет классифицировать их по разным основаниям. При этом, классификация доказательств не означает их жесткой дифференциации, так как, к примеру, свидетельские показания могут быть и прямыми и косвенными доказательствами, а документы, в зависимости от их содержания — и вещественными и личными доказательствами. Но вне зависимости от характера и вида доказательств, все они должны обладать такими свойствами как относимость, достоверность и допустимость, а их совокупность должна образовывать достаточность доказательств.

1.2 Конституционные основы правового регулирования электронных доказательств

Нормы права, содержащиеся в статьях 49, 50, 51 Конституции РФ, затрагивающие сферу доказывания, по своему смыслу предполагают, что осуществление правосудия неразрывно связано с использованием доказательств. При этом, на момент принятия Конституции РФ цифровые технологии были только на начальной стадии своего развития, их использование не являлось таким актуальным, как в настоящее время, поэтому электронные доказательства не получили отражения в конституционном тексте. Тем не менее, упоминая доказывание в самом общем виде, Конституция РФ заложила основу для его более подробного регулирования в отраслевом законодательстве, а сам характер конституционных установлений не препятствует расширению средств доказывания, в том числе и включению в их круг электронных доказательств.

Все большее внедрение в повседневную жизнь цифровых технологий приводит к увеличению объема информации, хранящейся в электронном виде, что неизбежно влечет все более частые ссылки сторон судебного процесса на факты, имеющие цифровую фиксацию. Информация, необходимая для доказывания, представляется в суд на материальных носителях, которыми могут быть жесткие диски компьютеров, карты памяти мобильных устройств, флеш-карты, а также распечатки переписки, страниц Интернет-сайтов и т.д.

Представление в суд аудио, видео, текстовых файлов на различных носителях предполагает их исследование в процессуальном порядке, регулирование которого должно основываться на понимании правовой природы таких доказательств. В юридической науке нет однозначного мнения по поводу правовой природы электронных доказательств. Так, В.Г. Голубцов относит текстовые файлы к письменным доказательствам¹, в то время как Г.В. Бурганова считает, что они имеют особую, самостоятельную природу². Некоторые авторы полагают, что электронные доказательства нельзя помещать только в какую-то одну группу, так как в зависимости от их содержания они могут быть отнесены как к письменным, так и к вещественным доказательствам³. Схожих взглядов придерживается и А.Т. Боннер, указывая, что электронные доказательства не могут относиться только к письменным доказательствам, равно как и выделяться в отдельную самостоятельную группу доказательств только лишь потому, что они созданы при помощи нетрадиционных электронных средств⁴. Отметим, что на момент данного высказывания электронные доказательства действительно были распространены значительно меньше, чем сейчас и вполне обоснованно назывались нетрадиционными. Сейчас, в силу широкого распространения,

¹ Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 170-188.

² Бурганова Г.В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 354-361.

³ Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 189-204.

⁴ Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. – М.: Проспект, 2013. – С. 340.

определять их как нетрадиционные некорректно, однако, это не меняет общего смысла рассматриваемых взглядов.

В.Г. Голубцов, критикуя позицию сторонников особой природы электронных доказательств, указывает, что в словосочетании «электронное доказательство» прилагательному «электронный» придается более весомое значение, чем понятию «доказательство», в то время как главными являются сами сведения, а не средства их воспроизведения. По мнению данного автора, суду важно, какая именно информация содержится в доказательстве, а не его форма, которая в случае соответствия требованиям закона не имеет доказательственного значения. Поэтому, в вопросе законодательного закрепления специфики электронных доказательств или расширения классификации письменных доказательств, с включением в них электронных, В.Г. Голубцов склоняется ко второму варианту¹.

С данной позицией нельзя согласиться в полной мере. Любое доказательство должно обладать определенными свойствами, в том числе допустимости и достоверности. Соответственно, при оценке доказательства необходимо проверять не только содержащиеся на том или ином носителе сведения, но и сам носитель, способ изготовления информации, наличие технических возможностей по искажению этой информации и др. Электронные доказательства специфичны тем, что материальный носитель сохраняет информацию, которая при наличии определенных навыков и технологий может быть скорректирована, в отличие от документов, изготовленных и представленных на оригинале бумажного носителя, подделка которого также возможна, но требует иных умений.

То есть оценка только содержания, без учета формы доказательства, по нашему мнению является ошибочной. Ведь если суду представлен документ на оригинале бумажного носителя, или его нотариально удостоверенная копия, то вероятность достоверности такого документа выше, чем

¹ Голубцов В.Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском процессе // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. С. 379-387.

электронного документа, так как в силу больших возможностей бесследного изменения последнего для установления его аутентичности может потребоваться заключение эксперта. Следовательно, должно быть и различное правовое регулирование исследования доказательств, в зависимости от специфики создания, хранения и возможностей изменения информации, что не позволяет нам ставить в один ряд электронные и материально оформленные доказательства.

Далеко не все электронные доказательства можно отнести к документарным доказательствам. Действительно, большинство доказательств в электронном виде содержит текстовую информацию, но помимо нее файлы могут содержать фото, видео и звуковую информацию. В любом случае вся эта информация записана, что позволяет относить ее к письменным доказательствам. Так как большая часть электронных доказательств имеет форму электронных документов, рассмотрим их подробнее.

Верховный Суд РФ своим Постановлением № 57 от 2017 года разграничивает понятия электронного документа, являющегося документом, изначально созданным в электронном виде без документирования на бумажном носителе и имеющим электронную подпись и электронного образа документа, созданного на бумажном носителе, а затем переведенного в цифровой формат. При этом, в силу отсутствия специального законодательного регулирования обеспечения электронных доказательств, Верховный Суд РФ указывает на необходимость судам при обеспечении электронных доказательств руководствоваться статьей 75 Гражданского процессуального кодекса РФ, регулирующей осмотр вещественных доказательств¹. Из этого можем сделать вывод о том, что Верховный Суд РФ рассматривает электронные доказательства и как письменные и как вещественные доказательства.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ, апрель 2018 г. № 4.

Однако, выявляя смысл позиции Верховного Суда РФ по рассмотрению электронных доказательств с точки зрения вещественных доказательств, полагаем, что применение к электронным доказательствам понятия вещественного доказательства допустимо только в контексте правового регулирования обеспечения доказательств, но не понимания их природы.

Мнение ряда авторов о том, что электронные доказательства по своей природе относятся к вещественным доказательствам¹, считаем несостоятельным. К вещественным доказательствам относятся предметы, которые своими признаками (свойствами, внешним видом, местом нахождения и др.) могут выступать средством определения обстоятельств, имеющих значение для дела. Электронное доказательство не является предметом, имеющим материальное воплощение. Они могут отображать предметы, но не становятся при этом самими предметами. Предмет, запечатленный на фото или видео файле, от просмотра этого файла не материализуется, его нельзя потрогать, провести химический, бактериологический и иной анализ через визуализацию, доступную при исследовании электронного доказательства. То есть, сам предмет выступает в качестве вещественного доказательства, а его электронная запись может быть отнесена только к письменным доказательствам.

Также неубедительна и точка зрения о том, что электронные доказательства имеют смешанную природу, сочетающую в себе элементы письменных и вещественных доказательств. По мнению сторонников этой точки зрения, электронные доказательства обладают смешанным характером, так как содержат запись (элемент письменного доказательства), содержащуюся на материальном носителе в виде флеш-карты, жесткого диска и др. (элемент вещественного доказательства). При этом, наличие

¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 443; Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: Учебно-практическое пособие. – М.: Городец, 2013. – С. 109 и др.

материального носителя является существенным, так как в его отсутствие будет невозможным исследование самой информации¹.

Если исходить из этой точки зрения, то любое письменное доказательство вообще и любой документ в частности должны рассматриваться как вещественное доказательство, так как содержащаяся в них информация отображена на материальном носителе. Однако это не так. Документ, представленный на бумажном носителе остается письменным доказательством, хотя сам носитель является материальным. Поэтому и электронный документ останется письменным доказательством, несмотря на то, что для его прочтения могут понадобиться материальные носители. Флеш-карты, жесткие диски и т.д. выступают средствами, при помощи которых становится возможным ознакомление с информацией, но доказательством выступают только сведения, а не сам носитель.

Кроме того, некоторые электронные доказательства хранятся в сети Интернет, и доступ к содержащимся в них сведениям может осуществляться посредством открытия соответствующих сайтов, страниц социальных сетей, мессенджеров и т.д. напрямую, без копирования данных на съемные носители информации. Для ознакомления с такими доказательствами необходимы технические устройства, которые сами по себе не будут носителями информации, а выступят лишь средствами доступа к ней.

Возвращаясь к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 57 от 2017 года, отметим, что не природа электронных доказательств, а именно обеспечение доказательств, хранящихся в сети Интернет, посредством осмотра определенных сайтов или страниц, которые могут быть удалены, подлежит правовому регулированию по правилам осмотра вещественных доказательств. То есть применение норм о вещественных доказательствах к электронным доказательствам не затрагивает природы электронных доказательств и не может касаться всех аспектов их исследования, а является

¹ Юсупова Э.П. Электронные доказательства в гражданском процессе: специфика и проблемы правового регулирования // Аллеи науки. – 2017. Т. 4. – № 9. С. 766-769.

процессуальной мерой, восполняющей правовой пробел посредством применения аналогии закона в части обеспечения доказательств.

В завершение параграфа необходимо сделать следующие выводы.

Конституционные принципы обеспечения и защиты прав человека в судебном процессе основываются на доказывании тех обстоятельств, на которые сторона ссылается, что вытекает из закрепленной в Конституции РФ презумпции невиновности в самом широком смысле слова. Закрепляя общие положения, касаемые доказывания, Конституция РФ не содержит препятствий для расширения средств доказывания, обусловленного развитием цифровых технологий. Напротив, развитие таких технологий позволяет более эффективно защищать каждому свои конституционные права в суде, что обуславливает необходимость уточнения правовой природы и особенностей законодательного регулирования электронных доказательств.

Электронные доказательства относятся к письменным доказательствам, так как, во-первых, содержат сведения о фактах, необходимы для установления определенных обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела, во-вторых, эти сведения записаны при помощи различных знаковых систем и могут храниться как на сайтах сети Интернет, так и на материальных носителях. При этом, наличие материальных носителей не позволяет относить электронные доказательства к вещественным, так как доказательством выступает записанная на них информация, а носитель является только средством ее хранения и прочтения.

Наибольшая часть электронных доказательств представлена электронными документами, которые имеют двоякую природу: документ изначально созданный в электронном виде и документ, созданный на бумажном носителе, а затем переведенный в цифровой формат. Помимо электронных текстовых документов доказательствами являются фото, видео или аудио файлы, также относимые к письменным доказательствам, так как они отображают сведения о предмете, событии или явлении, но сами предметами не являются.

Электронные доказательства имеют свою специфику, отличающую их от иных письменных доказательств, поэтому при исследовании электронных доказательств необходимо учитывать особенности способов изготовления информации, наличие технических возможностей по искажению этой информации, ее уничтожению и др. Такие особенности позволяют отнести нам электронные доказательства в отдельную категорию письменных доказательств, для более эффективного использования которых необходимо особое правовое регулирование с учетом проблем, порождаемых самой спецификой таких доказательств.

1.3 Проблемы использования электронных доказательств

Как уже было отмечено в предыдущих параграфах, любые доказательства (в том числе и электронные) должны соответствовать требованиям относимости, достоверности, допустимости и достаточности.

Относительно соответствия электронных доказательств первому требованию можно отметить, что никаких отличий электронных доказательств от иных доказательств нет, так как, рассматривая доказательства в этом ключе, суд определяет лишь то, насколько они относятся к рассматриваемому делу вне зависимости от их формы. Даже если на первый взгляд доказательство кажется не относящимся к предмету доказывания, сторона, представившая доказательство может обосновать, какое оно имеет значение для дела. И если суд усмотрит эту связь, то он приступит к исследованию такого доказательства. То есть для определения относимости доказательства важно само его содержание и не имеет значения какое происхождение оно имеет: электронное или материальное, а следовательно сам факт представления именно электронного доказательства не порождает особого правового регулирования его оценки с точки зрения относимости.

То же самое можно сказать и по поводу достаточности доказательств, которую суд самостоятельно определяет исходя из совокупности всех представленных доказательств. Но в отличие от относимости, которая чаще всего очевидна, достаточность не всегда ясна и напрямую зависит от допустимости и достоверности доказательств. Ведь достаточность определяется не столько количественным, сколько качественным показателем, в результате чего одно прямое несомненное доказательство может перевесить несколько доказательств, имеющих сомнительную допустимость или достоверность. По этой причине ключевыми проблемами использования электронных доказательств являются вопросы их допустимости и достоверности.

Часть 2 статьи 50 Конституции РФ устанавливает, что доказательства, полученные с нарушением закона, не могут быть использованы при осуществлении правосудия. Данный конституционный принцип, защищающий граждан от произвола следственных и судебных органов, неоднократно был исследован Конституционным Судом РФ в контексте проверки конституционности норм действующего законодательства, регулирующих вопросы допустимости доказательств. При этом, в рамках данного исследования важны не только правовые позиции Конституционного Суда РФ, раскрывающие понятие допустимости доказательств, но и оценка самого законодательства, регулирующего вопросы приемлемости доказательств.

Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П была признана не соответствующей Конституции РФ статья 234 Уголовно-процессуального кодекса РФ в части установления препятствий вызова свидетеля защиты, если данное ходатайство не заявлялось в ходе предварительного следствия. В части же допустимости допроса свидетеля, обладающего свидетельским иммунитетом, данная статья Уголовно-

процессуального кодекса РФ была признана не противоречащей Конституции РФ¹.

Можем полностью согласиться с данной позицией Конституционного Суда РФ, так как в первом случае законодатель необоснованно ограничил допустимость доказательств со стороны защиты, умалив конституционные права обвиняемого, гарантированные частью 2 статьи 45, частью 1 статьи 46 и частью 2 статьи 49 Конституции РФ, во втором случае, заслушивание показаний свидетеля, освобожденного от ответственности за дачу ложных показаний, ставит вопрос достоверности, но не допустимости такого доказательства.

Постановлением от 20 июля 2016 года № 17-П Конституционный Суд РФ указал, что исходя из части 1 статьи 51 Конституции РФ, никто не может принуждаться к даче показаний ни на какой стадии следствия и судебного процесса, если показания могут навредить обвиняемому или его близким родственникам, в связи с чем, любые действия следственных органов по принуждению к даче показаний будут незаконны, а полученные таким образом показания должны отвергаться судом без рассмотрения, как доказательства не соответствующие требованию допустимости².

С данной позицией Конституционного Суда РФ можем также полностью согласиться, так как признание недействительными доказательств, полученных с нарушением части 1 статьи 51 Конституции РФ направлено на ограждение людей от пыток и иного неправового воздействия с целью получения признательных показаний.

Вместе с тем, мы не можем согласиться с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в Определениях от 2006 года №

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений ст.ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ от 2004 г. № 27. Ст. 2804.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // Собрание законодательства РФ от 2016 г. № 31. Ст. 5088.

289-О¹ и от 2010 года № 1190-О², согласно которой оценка допустимости доказательств основывается не только на соответствии их закону, но и на внутреннем убеждении и совести, а также совокупности всех имеющихся в деле доказательствах, как это следует из оспариваемой в данных Определениях статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ. По мнению Конституционного Суда РФ данная статья направлена на обеспечение реализации статьи 120 Конституции РФ, закрепляющей независимость суда и невозможности воздействия на судей, понуждающего их к принятию того или иного решения.

Соглашаясь с Конституционным Судом РФ в части отказа в рассмотрении жалоб по мотивам оспаривания действий суда общей юрисдикции, мы не можем согласиться с тем, что оспариваемая норма не противоречит Конституции РФ, так как она, по сути, допускает принятие доказательств, не отвечающих как требованиям допустимости, так и требованиям достоверности. Примером может послужить указанное в Определении Конституционного Суда РФ от 2010 года № 1190-О использование в качестве допустимого доказательства показания несовершеннолетних понятых (которые могут быть свидетелями, но не понятыми), а в качестве достоверного – копии фонограмм телефонных переговоров в отсутствие их оригиналов.

Ссылка Конституционного Суда РФ на недопустимость воздействия на судей, как гарантию их независимости справедлива до того предела, когда независимость не перерастает в произвол, защитой от которого как раз и выступает обязанность суда неукоснительно исполнять требования закона, который в свою очередь не должен предоставлять чрезмерную дискрецию в вопросе определения допустимости доказательств.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 2006 г. № 289-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Слепухина А.Ю. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 17 УПК РФ» // Официально опубликовано не было. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 2010 г. № 1190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева В.П. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 17 и ст. 75 УПК РФ» // Официально опубликовано не было. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Помимо общих проблем, касаемых допустимости доказательств в целом, существуют проблемы допустимости электронных доказательств, вызванные, прежде всего, отставанием правового регулирования сбора доказательств от технического прогресса. Все больше действий, от банковских операций и заказа билетов на транспорт, до передачи важных сообщений, осуществляется посредством электронных устройств с использованием сети Интернет уже без дублирования на бумажном носителе. Соответственно, значительный массив информации может быть почерпнут только из электронных источников. Так, для доказывания факта нахождения гражданина в том или ином месте, либо совершения им определенных действий, заинтересованная сторона может попытаться обратиться к соответствующим электронным базам данных, хранящим информацию о платежах гражданина, его геолокации, биллинге и т.д.

Однако, исходя из требований статьи 23 Конституции РФ, большая часть такой информации является персональными данными гражданина, доступ к которым возможен только по решению суда. И если правоохранительные органы при необходимости могут получить соответствующую судебную санкцию, то гражданину или его адвокату получение соответствующего разрешения весьма затруднительно, а доступ к интересующим данным без судебного решения приводит к утрате полученным доказательством свойства допустимости.

Еще одной проблемой является то, что в соответствии с федеральным законом «О персональных данных»¹, для хранения и обработки персональных данных гражданина, включая его изображения, необходимо согласие этого гражданина, в то время как изобилие камер видеонаблюдения на улицах, имеющих функцию распознавания лиц, дают широкую базу данных о перемещениях людей, не выразивших своего согласия на сбор и хранение своих изображений, в то время как эти изображения все чаще используются в

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть 1). Ст. 3451.

судебном процессе. Безусловно, отказ от использования камер видеонаблюдения невозможен, как невозможно и остановить технический прогресс в целом, в связи с чем необходима корректировка правового регулирования фиксации изображения людей, находящихся в публичном пространстве без их согласия, что неизбежно должно иметь распространение не только на видеокамеры, установленные органами власти, но и на съемку, осуществленную частными лицами. Подобные проблемы допустимости электронных доказательств касаются фото и аудиозаписей, сделанных скрытно ситуативно, а следовательно без предварительной судебной санкции.

Еще более серьезные проблемы, вызванные спецификой электронных доказательств, возникают в сфере определения их достоверности. Даже если представленные в суд данные о геолокации будут признаны как допустимое доказательство, могут возникнуть сложности с его достоверностью, так как эти данные фиксируют нахождение в определенном месте электронного устройства, а не самого человека. Вполне возможна ситуация, при которой мобильный телефон, принадлежащий гражданину, будет находиться в одной географической точке, а сам гражданин в это время будет находиться в другом месте.

Похожая проблема и с электронной перепиской, так как если сообщение не закреплено электронной подписью, то теоретически это сообщение может отправить третье лицо, имеющее доступ к электронному устройству того человека, на чье имя оформлен адрес электронный почты. Поэтому в судебной практике переписка, осуществляемая посредством электронной почты, как правило, не принимается в качестве доказательства, за исключением случаев, когда такой формат переписки был предусмотрен договором и стороны не отрицают факт такой переписки. Если электронная переписка принимается в качестве доказательств, то суд исходит из того, что сообщение отправило то лицо, чей адрес электронной почты указан в договоре, пока не будет доказано обратное. При этом, возможное отсутствие

в суде технических средств, позволяющих сделать обзор такой переписки, не является препятствием для исследования данных доказательств, так как стороны зачастую представляют в суд переписку в распечатанном виде на бумажном носителе¹.

В предыдущем параграфе нами затрагивался вопрос правового регулирования обеспечения электронных доказательств, которые, с одной стороны являются письменными, но с другой стороны, в случае возникновения риска их утраты, согласно статье 75 Гражданского процессуального кодекса обеспечиваются как вещественные. В вопросе обеспечения электронных доказательств в порядке статьи 75 Гражданского процессуального кодекса РФ А.М. Шахова высказывает обоснованные сомнения, связанные с тем, что данная статья была закреплена в Кодексе еще с тех пор, когда он не содержал положений об электронных документах, а сама практика применения статьи 75 Кодекса касалась только материальных доказательств. Применение процессуальных норм, рассчитанных на материальные доказательства к электронным доказательствам, имеющим существенные отличия, не в полной мере соответствует специфике последних, в связи с чем необходимо включить в законодательство специальную норму, регулирующую фиксацию информации в электронном виде².

Сложности возникают и при обеспечении электронных доказательств нотариусом. Статья 103 Основ законодательства РФ о нотариате предписывает нотариусу руководствоваться нормами Гражданского процессуального кодекса РФ. С декабря 2020 года вступили в действие изменения статьи 103 и статьи 44.3 Основ законодательства РФ о нотариате, согласно которым обеспечение доказательств может осуществляться

¹ Юрловская А.А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Фемида.Science. – 2018. – № 1 (17). С. 39-42.

² Шахова А.М. Цифровизация в гражданском процессе: проблемы доказывания // Юридическая наука. – 2020. – № 7. С. 32-36.

посредством осмотра материалов в сети Интернет¹. Однако, на законодательном уровне отсутствуют как протокол осмотра Интернет-материалов, так и критерии достоверности содержащейся в электронном документе информации, а существующих требований которым должен соответствовать электронный документ недостаточно. Для решения этой проблемы Н.А. Артебякина предлагает осуществлять отслеживание адресов сетевых узлов, передающих данные для браузера и давать оценку скорости прохождения данных через них².

В обоих случаях (и судебного и нотариального обеспечения доказательств) мы сталкиваемся с тем, что ни судья, ни нотариус не являются специалистами в сфере цифровых технологий, притом, что использование электронного документа предполагает предварительное исследование способа создания документа, вносимых в него изменений, установление подлинности электронной подписи и т.д. Отсутствие специального правового регулирования данного вопроса повышает риск использования электронных доказательств, не обладающих свойством достоверности. В этой связи нами предлагается на законодательном уровне выделить электронные доказательства в отдельную группу с закрепление особого порядка их оценки и обеспечения.

Итак, проблемы использования электронных доказательств большей своей частью лежат в области соответствия их требованиям допустимости и достоверности. Проблемы допустимости кроются в том, что широкое распространение цифровых технологий значительно опережает правовое регулирование сбора доказательств, в результате чего имеющиеся электронные доказательства, отвечающие всем иным требованиям, не могут быть приняты в качестве допустимых, так как нормы, к примеру, запрещающие съемку лица без его согласия не были рассчитаны на повсеместное применение камер уличного видеонаблюдения или видео и

¹ Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 11 марта 1993 г. № 10. Ст. 357.

² Артебякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 274-278.

аудио фиксацию происходящего каждым гражданином. Кроме того, нормы о персональных данных, вытекающие из конституционных установлений о неприкосновенности частной жизни, ограничивают легитимный доступ к соответствующим данным со стороны частных лиц, являющихся участниками судебного процесса. При этом, доступ к таким данным гражданами существенно затруднен по сравнению с правоохранительными органами, что создает проблему обеспечения равенства возможностей по сбору доказательств всеми сторонами процесса.

Особенности создания, изменения, удаления с Интернет-страниц или сайтов, а также авторства электронных документов порождают проблемы определения их достоверности, которые обусловлены отсутствием у судей специальных познаний в области цифровых технологий с одновременной объективной невозможностью обязательной экспертизы каждого электронного доказательства.

Вместе с тем, не смотря на существующие проблемы, электронные доказательства занимают все больше места во всей системе доказательств, в связи с чем в процессуальном законодательстве необходимо уделение им большего внимания.

2. ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

2.1 Конституционные принципы правосудия в России

Сбор, предоставление и исследование доказательств, будучи важной составляющей судебного процесса, сами по себе не являются самоцелью. Доказательства необходимы для установления тех или иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, то есть, направлены на установление истины, как главной цели правосудия.

В соответствии с частью 1 статьи 118 Конституции РФ правосудие осуществляется только судом. Будучи прерогативой суда, правосудие занимает центральное место во всей деятельности судебной власти. Термин «правосудие» неоднократно употребляется в действующем законодательстве, которое, однако, не содержит его легальной дефиниции. В научной и учебной литературе дается множество определений правосудия, обобщая которые мы можем сформулировать его как конституционно закрепленную форму деятельности судов, выражающуюся в рассмотрении гражданских, административных и уголовных дел и вынесении справедливого решения на основе закона.

Отправление судом правосудия необходимо в целях защиты конституционных прав граждан, законных интересов общественных объединений, органов государственной и муниципальной власти, обеспечения законности и правопорядка, посредством разрешения возникших споров или привлечения виновных к юридической ответственности. Наделение полномочием по отправлению правосудия только судебную власть полностью оправданно, так как граждане, взаимодействуя с разными органами исполнительной власти в случае нарушения прав и свобод со стороны этих органов, должны иметь возможность обращаться в тот государственный орган, который не

заинтересован в исходе дела, что является условием справедливого и непредвзятого разрешения спора. Независимость суда от иных органов власти, а следовательно его незаинтересованность в исходе дела, позволяет защищать права человека в спорах не только с другими людьми, но и с органами власти. Поэтому, закрепленное в статье 46 Конституции РФ право каждого на обращение в суд является важнейшей гарантией защиты прав и свобод человека, а само право на обращение в суд должно обеспечиваться доступностью правосудия¹.

Отправление правосудия основывается на конституционных принципах, образующих исходные положения реализации судебной власти как независимого арбитра в разрешении возникающих споров, в связи с чем, для лучшего понимания электронного правосудия и использования электронных доказательств, необходимо рассмотрение самих принципов правосудия.

Одним из первых принципов правосудия является законность, обусловленная частью 2 статьи 4 и частью 2 статьи 15 Конституции РФ. Требование по соблюдению Конституции РФ и законов подлежит расширительному толкованию и должно распространяться не только на законы, но и на подзаконные акты. В любом случае, необходимость руководствоваться в своей деятельности законами относится ко всем гражданам, их объединениям, органам муниципальной и государственной власти, включая суды. При этом, как указывает И.В. Дикова, принцип законности имеет важное значение для всех органов власти, но для судебной власти этот принцип приобретает особый, смыслообразующий характер².

Суд, вынося решение должен основывать его только на законе и своем внутреннем убеждении, что направлено на исключение произвола с его стороны. При этом, не стоит абсолютизировать внутреннее убеждение, так как в случае его противоречия требованиям закона, судья обязан

¹ Алисов А.Н. Теоретико-правовые аспекты конституционного права на доступ к правосудию // Вестник Поволжского института управления. – 2020. Т. 20. – № 2. С. 62-69.

² Дикова И.В. Принцип законности как основа судебной власти // Закон и право. – 2021. – № 3. С. 33-34.

руководствоваться законом. Внутреннее убеждение необходимо для более гибкого подхода к каждому делу, когда суд, учитывая конкретные обстоятельства дела, реализует предоставленные ему законом дискреционные полномочия (например, определяя размер компенсации морального вреда или выбирая одну из нескольких предложенных законом санкций).

В тех случаях, когда отсутствует закон, регулирующий спорные правоотношения, суд не может выносить волюнтаристское решение, а должен применять аналогию закона, то есть находить похожие отношения, урегулированные нормой права и разрешать дело исходя из правового регулирования этих схожих отношений. Если же невозможно применить аналогию закона, то суд прибегает к аналогии права, то есть разрешает дело исходя из общеправовых принципов. Отметим, что в сфере уголовного судопроизводства аналогия недопустима, так как ее применение размывает правовую определенность в вопросе преступности деяния, что откроет путь к судебному произволу. В то же время, в гражданском процессе аналогия закона и аналогия права позволяют разрешать любые споры, возникшие на основе даже специфичных, нестандартных отношений, не получивших правового регулирования.

Принцип осуществления правосудия только судом, закрепленный упомянутой нами выше частью 1 статьи 118 Конституции РФ, означает недопустимость подмены собой какими-либо органами власти судов при отправлении правосудия. Как мы уже указывали, особое положение суда в системе органов государственной власти обеспечивает его непредвзятость и незаинтересованность в исходе дела, что создает предпосылки для справедливого разрешения дела. То есть для обеспечения максимально объективного и справедливого разрешения дела суд должен обладать как независимостью, так и непредвзятостью.

При этом принцип осуществления правосудия только судом и его непредвзятость являются взаимообуславливающими. Для того чтобы

решения были правосудными, суд не должен ни от кого зависеть и при этом не иметь своей заинтересованности в том или ином споре. В то же время, только независимый и непредвзятый орган может выносить объективные, справедливые решения, основанные на законе. Независимость суда обеспечивается особым статусом судей, складывающимся из принципов их независимости, несменяемости и неприкосновенности, отсутствием какого-либо органа, дающего указания суду или отменяющего его решения, а также конституционным закреплением судебной ветви власти, исключающем упразднение судебной системы.

Однако, одной независимости недостаточно, так как независимый орган власти, являющийся участником тех или иных отношений, в случае возникновения спора по поводу этих отношений, будет стремиться разрешить дело в своем интересе. Поэтому, для обеспечения объективности суда, органы судебной власти максимально отдалены от принятия политических, экономических, административных и иных решений. Такое обособление суда, выражающееся в его неучастии в принятии управленческих решений, исключает ситуацию, при которой суд может стать стороной конфликта. Следовательно, функция по отправлению правосудия, требующая непредвзятости суда, детерминирует особый конституционно-правовой статус судебной власти.

В свою очередь, особый статус судебной власти делает ее единственным органом, наделенным правом осуществлять правосудие, так как иные органы государственной власти, реализуя свои функции, будут исходить из собственных ведомственных интересов, что является нормальным в работе государственного механизма, но при разрешении дела, может приводить к конфликту интересов и влиять на окончательное решение по этому делу.

Наделение суда прерогативой по осуществлению правосудия обусловлено и тем, что деятельность суда регламентирована системой процессуальных правил, специально направленных на регулирование

процедуры рассмотрения дела, что в отсутствие такого процессуального регулирования деятельности иных органов власти, дает преимущества судебному рассмотрению дела, и в конечном итоге повышению гарантий принятия справедливого и законного решения¹.

Независимость суда, как условие рассмотренной выше гарантии, обеспечивается принципом независимости судей, закрепленным статьей 120 Конституции РФ. В содержании независимости судей можно выделить внешнюю и внутреннюю стороны.

Внешняя сторона выражается в запрете попыток оказания влияния на судью извне. По этой причине ни один государственный орган или должностное лицо не вправе вмешиваться в ход рассмотрения дела, давать судье указания или иным образом воздействовать на деятельность судьи. Помимо исключения судей из системы власти-подчинения, судья должен быть независим и от иных внешних факторов, которые могут повлиять на его решение. Для обеспечения данной стороны независимости судей на них налагаются определенные ограничения в виде запрета на членство в политических партиях, занятия государственных или муниципальных должностей и др. Также судья не должен быть связан какими-либо обязательствами со сторонами судебного процесса. В случае, когда при рассмотрении дела у судьи по тем или иным причинам все же возникает личная заинтересованность, судья обязан объявить самоотвод².

Внутренняя сторона независимости судей выражается в равенстве статуса судей, при котором никто внутри судейского сообщества, в том числе и вышестоящий суд не может указывать каким образом следует разрешить дело. Даже если судья выносит ошибочное решение, никто не должен иметь возможность повлиять на него, а сама ошибка подлежит исправлению при пересмотре решения вышестоящей судебной инстанцией по жалобе стороны процесса, но не в ходе принятия судьей своего решения. До недавнего

¹ Ганижева П.М. Вопрос о признаках и принципах правосудия в Российской Федерации // Инновационная наука. – 2020. – № 3. С. 63-65.

² Казарина М.И. Отвод и самоотвод судьи как гарантия независимости судей // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 459. С. 235-241.

времени существовала известная неформальная зависимость судей от председателей судов, которые посредством распределения дел могли назначать одним судьям более легкие дела, а другим судьям – наиболее сложные. Такое распределение дел позволяло председателю суда иметь рычаги воздействия на судей, в результате чего судья, имевший расхождения с председателем суда получал большой объем сложных дел, не справлялся с нагрузкой, превышал сроки рассмотрения и получал взыскания. Развитие электронных технологий позволило внедрить автоматическое распределение дел, обеспечив значительную большую независимость судей от председателей судов. Кроме того, как указывает О.А. Капустин, автоматическое распределение дел, основывающееся на случайности такого распределения, исключает заинтересованность при формировании состава суда, повышает транспарентность и обеспечивает равномерность судебной нагрузки¹.

Статья 121 Конституции РФ закрепляет несменяемость судей, как необходимое условие их независимости. Несменяемость судей имеет такие аспекты как ограничения в вопросах прекращения судейских полномочий, невозможность перевода судьи в другой суд без его согласия, а также рассмотрения дела судьей от начала до конца.

Для большинства судей установлен предельный возраст пребывания в должности (а для председателей некоторых судов он отсутствует), при этом в период до достижения предельного возраста судья не может быть уволен, за исключением особых случаев, связанных с противоправными деяниями этого судьи. И если мировые судьи первый раз назначаются на срок не более пяти лет, а второй раз на срок не менее пяти лет, то федеральные судьи назначаются на неопределенный срок, ограниченный только достижением предельного возраста, что создает для них гарантии сохранения должности вне зависимости от несовпадения их позиции по тем или иным вопросам с позицией органов власти, участвовавших в назначении судьи на должность.

¹ Капустин О.А. Организация автоматизированного распределения дел в федеральном суде общей юрисдикции // Закон и право. – 2019. – № 1. С. 129-134.

Так как разные судебные участки могут иметь разную по объему и по сложности нагрузку, а также их территориальное расположение может варьироваться от крупных городов, удобных для жизни до отдаленных населенных пунктов со слабой инфраструктурой, для судьи может иметь большое значение в суде какого населенного пункта или на каком именно судебном участке он будет работать. Для исключения давления на судью посредством угрозы перевода в менее благоприятные условия или в суд иной специализации, такой перевод возможен только с согласия судьи.

Статья 122 Конституции РФ устанавливает, что судьи неприкосновенны. Сама по себе неприкосновенность не исключает возможности привлечения судьи к уголовной ответственности, но такая ответственность может наступить в порядке, определяемом законом и с согласия органов судейского сообщества. Неприкосновенность судьи не является его личной привилегией, а направлена на ограждение судьи от возможных мер воздействия со стороны следственных органов, чьи интересы могут быть задеты судебным решением. В отсутствие неприкосновенности судья не чувствовал бы себя в безопасности при рассмотрении дел, к примеру, в отношении высокопоставленных должностных лиц, поэтому в интересах правосудия независимость судьи должна обеспечиваться его неприкосновенностью.

Одним из важнейших принципов правосудия выступает закрепленная статьей 123 Конституции РФ гласность судебного разбирательства, предполагающая открытость судебных процессов, при которой дело рассматривается в присутствии не только сторон и заинтересованных лиц, но и всех желающих. Важность данного принципа нами видится в том, что публичное рассмотрение дела, будучи одной из форм общественного контроля работы судов, заставляет судью действовать в строгом соответствии с процессуальными правилами, уважительно относиться к участникам процесса, заслушивать их пояснения и беспристрастно исследовать представленные доказательства.

Закрытые судебные заседания возможны, но только в случаях предусмотренных законом (дела связанные с государственной тайной, половыми преступлениями и др.). Также в закрытом заседании может рассматриваться не все дело, а только его отдельная часть. К примеру, если суд исследует в качестве доказательства электронную переписку частного характера, то в соответствии с нормами статьи 23 Конституции РФ, исследование такого доказательства возможно в открытом судебном заседании при согласии всех участников переписки. Однако, если кто-то из участников переписки возражает против этого, то суд вправе исследовать данное доказательство, но в закрытом судебном заседании, что обеспечивает баланс между необходимостью доказывания и неприкосновенностью частной жизни, включающей тайну переписки. В противном случае сторона, незаинтересованная в исследовании переписки, злоупотребляя правом, лишила бы другую сторону возможности доказывания.

С гласностью судебного разбирательства тесным образом связан принцип его устности, позволяющий добиться наилучшего восприятия всеми присутствующими на судебном заседании обстоятельств рассматриваемого дела. Устность судебного разбирательства особенно актуализируется с развитием электронного правосудия, когда лица участвуют в судебном заседании по видеоконференцсвязи, и в связи с этим не имея визуальной возможности ознакомления с вновь представленными документами, особенно нуждаются в озвучивании их содержания¹.

Также базовым принципом правосудия является состязательность и равноправие сторон, вытекающие из статей 19 и 123 Конституции РФ. Равноправие сторон выражается в наделении равными процессуальными правами и основывается на равенстве всех перед судом, что способствует установлению истины и вынесению справедливого решения по делу. Суд не выступает ни на чьей стороне, не создает никому преимуществ и не

¹ Амиралиев У.М. Использование систем видеоконференцсвязи при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции // Закон и право. – 2021. – № 2. С. 106-108.

устанавливает ни для кого ограничений, затрудняющих отстаивание его позиции. Исходя из этого, суд должен исследовать доказательства одинаково объективно, вне зависимости от того, какой стороной они представлены. При этом, не только суд, но и как справедливо отмечает А.А. Абрашин, сами стороны вправе участвовать в исследовании доказательств, представленных друг другом¹.

Итак, осуществление судом правосудия основывается на конституционных принципах, образующих исходные положения реализации судебной власти. Рассмотренные принципы правосудия являются универсальными и лежат в основе всех видов судопроизводства, осуществляемого как в классической форме, так и с использованием цифровых технологий. Стремительно развивающееся электронное правосудие должно соответствовать этим принципам, что необходимо учитывать при исследовании данного направления организации деятельности судов.

2.2 Особенности и перспективы развития электронного правосудия

По историческим меркам электронное правосудие является достаточно молодой институцией, но в свете быстрого развития цифровых технологий, влекущих изменения в законодательстве и правоприменительной практике, электронное правосудие стало проникать в судопроизводство еще в нулевых, начале десятых годов нашего века, когда цифровые технологии были не так сильно развиты как сейчас. Пионером в этой области стал существовавший на тот момент Высший Арбитражный Суд РФ. Для нормативного обеспечения вводимой системы электронного правосудия в арбитражном суде в 2010 году были внесены поправки в Арбитражный процессуальный

¹ Абрашин А.А. Раскрытие доказательств как элемент судебного доказывания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 1 (138). С. 265-274.

кодекс РФ, затрагивающие вопросы видеоконференцсвязи, определения арбитражных заседателей посредством автоматизированных систем, упрощенного доступа к судебным актам, отслеживания движения дела через Интернет и др.¹ В это время расширился доступ к сайту Высшего Арбитражного Суда РФ для портативных электронных устройств, что дало возможность более оперативного ознакомления с судебной практикой, и как следствие повышения качества и эффективности арбитражного правосудия в целом².

Примерно в это время стало внедряться уведомление лиц, участвующих в деле через электронную почту сети Интернет и SMS-сообщения. Однако судебная практика в этом вопросе была весьма неоднозначной. Некоторые суды считали такой способ уведомления ненадлежащим, аргументируя это затруднениями установления принадлежности телефона адресату уведомления, отсутствием уверенности в прочтении им направленного уведомления и недостаточностью правового регулирования данного вопроса в целом. Другие суды допускали подобную форму уведомления, так как она обеспечивает передачу всех необходимых данных о времени и месте рассмотрения дела, а оператор сотовой связи оповещает отправителя о доставке сообщения, что позволяет убедиться в получении адресатом направленного уведомления.

Данные противоречия в позициях разных судов были устранены Верховным Судом РФ, который Постановлением Пленума от 9 февраля 2012 года разъяснил, что извещение участников процесса SMS-сообщением допустимо и следует признавать надлежащим, если участники процесса дают согласие на такую форму уведомления, а суд имеет возможность зафиксировать отправку и получение адресатом сообщения. При этом, согласие на SMS-уведомления лица, участвующие в деле должны давать

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 2 августа 2010 г. № 31. Ст. 4197.

² Денисов И.С. Электронное правосудие и доступ граждан к правовой информации // Вестник волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 3 (22). С. 2-4.

письменно, указав наряду со своими данными также номер телефона, на который должны направляться судебные уведомления¹.

После разъяснений Пленума Верховного Суда РФ во многих судах были разработаны регламенты, регулирующие организацию работы по SMS-уведомлениям, которые могут рассылаться только на основе добровольного согласия участников процесса. Соответствующие расписки с указанием номера телефона должны быть подшиты в материалы дела. В случае отсутствия расписки о согласии на SMS-уведомления такое уведомление считается ненадлежащим, а заочное судебное решение, вынесенное в отсутствие стороны процесса, может быть признано незаконным. Согласимся с А.К. Дубенем в том, что заочное решение суда является вынужденной мерой процессуальной экономии, направленной на защиту интересов истца, в случае затягивания дела из-за неявки ответчика². В данном случае речь идет об умышленной неявке стороны, которая знала о месте и времени судебного заседания. Однако, в случае ненадлежащего уведомления, налицо существенное нарушение норм процессуального права, так как сторона процесса лишается возможности отстаивания своей позиции в суде, чем попирается конституционный принцип состязательности сторон.

Широкому распространению электронного правосудия долгое время препятствовало отсутствие у большей части населения необходимых навыков пользования электронными средствами, а также отсутствие у некоторых из них самих этих средств. Это отчасти объясняет тот факт, что электронное правосудие стало внедряться именно в арбитражных судах, где основными участниками судебного процесса являются юридические лица, обладающие возможностью по техническому обеспечению и найму специалистов, обслуживающих электронные средства, а не в судах общей юрисдикции, рассматривающих дела, в которых большую часть участников

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ» (в ред. от 19 декабря 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ, апрель 2012 г. № 4.

² Дубень А.К. История института заочного производства в гражданском процессе: поиски частного и общего // Образование и право. – 2020. – № 11. С. 139-146.

процесса составляют физические лица. Вместе с тем, увеличивающаяся с каждым годом доступность для граждан электронных средств и все большее вовлечение людей в различные операции с их помощью, неизбежно подвели и гражданско-процессуальную практику под электронное правосудие.

Разный уровень цифровой грамотности среди населения не позволяет полностью перейти на электронное правосудие, так как преимущественно пожилые граждане не умеющие пользоваться Интернетом также как и все остальные люди, имеют равные права на обращение в суд, гарантированные статьей 46 Конституции РФ. Поэтому, с появлением в Гражданском процессуальном кодексе РФ элементов электронного правосудия не произошла замена им ранее существовавших классических процедур. Электронное правосудие расширило возможности граждан, позволив, к примеру, подавать исковое заявление в электронном виде, но не подменило собой использование бумажных носителей, сохранив возможность подачи иска в письменном виде без использования электронных средств.

Что касается уголовного процесса, то в нем использование видеоконференцсвязи стало возможным еще с 2001 года. В этой части Уголовно-процессуальный кодекс РФ опередил пионера электронного правосудия – арбитражные суды, однако в иных направлениях уголовный процесс оставался более консервативным.

Сопоставляя разные виды судопроизводства можно отметить, что электронное правосудие появлялось и развивалось в них неравномерно: какие-то его элементы (например, SMS-уведомления, подача иска в электронном виде и др.) получили большее развитие в арбитражном процессе, другие элементы (например, использование видеоконференцсвязи) – в уголовном процессе. Однако, с течением времени распространение элементов электронного правосудия в арбитражном, гражданском, уголовном и административном процессах стало более дисперсным, что свидетельствует об эффективности и перспективности внедрения в судебную практику электронного правосудия, воспринятого всеми судами,

рассматривающими как частные споры, так и дела, вытекающие из публично-правовых отношений.

При этом, электронное правосудие сталкивается с такими проблемами, как недостаточная техническая оснащенность судов, препятствующая осуществлению электронного правосудия в полной мере, отсутствие гарантий информационной безопасности при проведении видеоконференцсвязи, возникающие сбои связи, не позволяющие услышать позицию участника процесса и вынуждающие переносить судебное заседание на другое время для устранения сбоев связи и др. Работа судов в условиях карантинных мер, вызванных пандемией коронавируса показала, что не все суды и граждане имеют необходимое техническое оборудование для онлайн-коммуникации, в результате чего рассмотрение многих дел приходилось откладывать, разрешая только срочные, экстренные дела. Однако, большинство этих проблем носят материальный, либо технический характер и не являются неразрешимыми.

Компьютеризация судов и развитие систем автоматического сбора, хранения и обработки документации, вызывает проблемы профессионального обслуживания этих систем, которые также разрешимы путем переобучения и повышения квалификации персонала судебных органов.

Мощный толчок для развития электронного правосудия дала пандемия коронавируса, вызвавшая введение ограничительных мер для населения и как следствие изменения в работе судов. Так, Постановлением Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 года судьям предлагалось рассматривать дела посредством видеоконференцсвязи в массовом порядке¹, а в дальнейшем, Постановлением от 29 апреля 2020 года дистанционный формат судебных заседаний был расширен системой

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 «Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции» (утратил силу с 11 мая 2020 г.) // Официально опубликовано не было. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

веб-конференций¹. Указанию судам на применение веб-конференций предшествовало рассмотрение нескольких дел в таком режиме самим Верховным Судом РФ 21 апреля 2020 года. Апробация Верховным Судом РФ режима веб-конференции позволила ему сформулировать основные правила, заключающиеся в том, что участники судебного процесса до его начала должны направить в суд электронные заявления о намерении участвовать в судебном заседании, а в день заседания суд направляет им ссылки, перейдя по которым участники процесса должны авторизоваться при помощи учетной записи на портале государственных услуг, после чего суд проверяет их личности и допускает до участия в заседании. Безусловно, веб-конференции значительно упростили коммуникацию граждан с судами, но в то же время породили необходимость разработки мер по обеспечению безопасности такого рода связи.

Не смотря на то, что Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 года действовало только до 11 мая 2020 года, работа ряда судов в режиме веб-конференций продолжилась и дальше, что расценивается нами в позитивном ключе, так как расширяет возможности граждан по сравнению с режимом видеоконференцсвязи. Ведь как следует из статьи 155.1 Гражданского процессуального кодекса РФ, статьи 153.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ, статьи 142 Кодекса административного судопроизводства РФ, режим видеоконференцсвязи является закрытой системой, предполагающей нахождение участника видеоконференции в помещении суда, расположенного ближе всего к месту нахождения гражданина. Режим же веб-конференции не требует нахождения человека в суде, а позволяет ему выходить на связь из дома с собственного электронного устройства.

Положительная оценка использования веб-конференций дает основания для более широкого внедрения такого режима в судебную

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 «О внесении изменений в Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821» // Официально опубликовано не было. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

практику, для чего необходимо внесение дополнений в процессуальное законодательство, закрепляющих данный режим связи, а также закрепление требований к используемым для этого системам, в целях защиты передаваемой информации от постороннего вмешательства.

Бесспорные преимущества дистанционного формата участия в судебном заседании, выражающиеся в экономии времени и материальных средств участников процесса, он имеет и недостатки, которые, по нашему мнению, не дадут ему полностью заменить офлайн-заседания. Главными из этих недостатков являются исчезновение эффекта личного присутствия, невозможность подробного осмотра в режиме реального времени исследуемых судом вещественных доказательств или прочтения документов, которые при очном заседании могут передаваться из рук в руки. Кроме того, суду трудно оценить эмоциональное состояние участников процесса, а также присутствие рядом с ними третьих лиц, которые могут оказывать давление, особенно если речь идет о свидетелях. В отличие от проблем недостаточной технической оснащенности или плохого качества связи (которые могут иметь разрешение), данные проблемы неразрешимы, так как связаны не с материальным обеспечением или уровнем научного прогресса, а с самой природой человека, нуждающегося в очном общении, в том числе и по поводу разрешения спора.

Тем не менее, научно-технический прогресс неумолим и неизбежно внедряется во все сферы человеческой деятельности, в том числе и в осуществление правосудия, что неизбежно будет приводить к расширению его цифровизации. Оценивая дальнейшие перспективы развития электронного правосудия, можем предположить не только увеличение областей цифровизации, но и возможно роботизацию правосудия. Как указывает А.Ю. Мамычев, цифровые технологии уже сейчас опосредуют такие новые формы взаимодействий как электронная агрегация публично-правовых и частноправовых отношений, разработка искусственного интеллекта, появление электронных юнитов и даже акторов, а также

использование автономных цифровых алгоритмов для обеспечения правопорядка¹.

Конечно, современное развитие науки пока еще не позволяет использовать искусственный интеллект для рассмотрения арбитражных, гражданских и тем более уголовных дел, от разрешения которых зависят судьбы конкретных людей. Когнитивные способности, которыми обладает судья-человек, учитывающий все нюансы обстоятельств дела, пожалуй, никогда не смогут быть заменены даже самыми совершенными алгоритмами, работающими по заданной схеме и не способными к творческому мышлению. Однако, полагаем, что совершенствование алгоритмов применения закона в типичной ситуации при наличии бесспорных доказательств, в отдаленной перспективе позволит перенести рассмотрение несложных дел в роботизированную систему. Ведь какое-то количество лет назад трудно было представить, что автомобиль может двигаться по сложному маршруту без водителя в городских условиях, тогда как сейчас беспилотные автомобили являются объективной реальностью. Безусловно, беспилотные автомобили нельзя сравнивать с роботизированным правосудием, имеющим иную степень ответственности, однако, приведенный нами пример является иллюстрацией того, что казавшееся нам ранее фантастическим, с течением времени может быть вполне реальным.

Как нами отмечалось выше, научный прогресс пока не достиг того уровня, который позволил бы безопасно внедрить роботизацию в правосудие. Тем не менее, думается, что общий тренд движется именно в этом направлении. Так, сначала камеры видеонаблюдения автоматически фиксируют, к примеру, превышение автомобилистом скорости, а должностное лицо по полученным данным назначает штраф. Затем этот штраф назначается автоматически уже без участия человека. Следующий шаг – автоматизация разрешения более сложных ситуаций, а далее –

¹ Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: коллективная монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. – М.: РИОР, 2020. С. 7.

распространение применения искусственного интеллекта в простых, а затем и более сложных судебных делах.

Главным недостатком роботизации правосудия выступает неспособность робота, строго следующего алгоритму, учитывать уникальные нюансы дела и реагировать на нестандартные ситуации. Также становится сомнительной целесообразность сохранения дискреционных полномочий робота-судьи, притом, что разумная дискреция играет важную роль при осуществлении правосудия. Вместе с тем, роботизация правосудия будет иметь и положительные стороны, где главной из них выступит безусловная объективность судьи и исключение личностного фактора при вынесении решения. Согласимся с теми авторами, которые указывают на наличие разных судебных решений по схожим делам, даже в случаях отсутствия ангажированности судей¹. Кроме того, роботизация позволит снизить материальные затраты на правосудие, а также уменьшит нагрузку на судей, высвободив их для работы с более сложными делами (считаем, что использование искусственного интеллекта в суде не может полностью подменить собой работу судьи-человека, а только заберет у него часть дел).

Подводя итог параграфу, отметим, что электронное правосудие появлялось и развивалось в разных видах судопроизводства неравномерно. Применение SMS-уведомлений, подача иска в электронном виде и другие элементы электронного правосудия раньше всех появились в арбитражном процессе, что обусловлено техническими возможностями юридических лиц, как основных участников такого процесса. Отсутствие у многих физических лиц, являющихся участниками гражданского процесса, технических средств и навыков обращения с ними вызвали отставание в использовании цифровых технологий в гражданском процессе. В то же время, применение видеоконференцсвязи раньше всех появилось в уголовном процессе. Развитие цифровых технологий и доступность для граждан электронных

¹ Коваленко К.Е., Печатнова Ю.В., Стаценко Д.А., Коваленко Н.Е. Судья-робот как преодоление судебного усмотрения (юридические аспекты) // Юридический вестник ДГУ. – 2020. Т. 36. – № 4. С. 169-173.

устройств со временем сделали распространение электронного правосудия более равномерным по всем видам судопроизводства, а цифровизация повседневной жизни людей привела к активному использованию всеми судами ключевых элементов электронного правосудия. При этом, электронное правосудие расширяет возможности граждан, но не подменяет собой традиционного правосудия, что является важным для людей, не имеющими возможности использования цифровых технологий.

Пандемия коронавируса расширила использование элементов электронного правосудия, дополнив его веб-конференцией, позволяющей гражданам, в отличие от видеоконференцсвязи, коммуницировать с судом из дома. В силу отсутствия законодательного регулирования веб-конференции нами предлагается внести дополнения в процессуальное законодательство, закрепляющие данный режим связи, а также устанавливающие требования к используемым для этого системам, в целях защиты передаваемой информации от постороннего вмешательства. Кроме того, помимо законодательного закрепления веб-конференций, необходимо принятие законодательных мер по унификации правового регулирования подачи исков в электронном виде, а также по установлению гарантий на дистанционное участие граждан в судебном процессе.

Оценивая дальнейшие перспективы развития электронного правосудия, можем предположить не только увеличение областей цифровизации, но и возможную в будущем роботизацию правосудия, сначала по простым, а в дальнейшем и по более сложным делам. Такая роботизация может иметь как недостатки (отсутствие у робота нестандартного мышления, влекущее сбои при рассмотрении неожиданных обстоятельств дела, вопросы наделения их правоприменительной дискрецией и др.), так и положительные стороны (достижение полной объективности суда, уменьшение материальных затрат, а также нагрузки на судей и др.). При этом, если использование электронных средств выступает в качестве формы электронного правосудия,

осуществляемого все-же человеком, то роботизация правосудия делает его электронным по содержанию.

2.3 Зарубежный опыт осуществления электронного правосудия

Исследование зарубежного опыта осуществления электронного правосудия, для целей данной магистерской диссертации представляется необходимым, так как это позволит, во-первых, дать оценку и при необходимости предложить заимствования опробованных и внедренных в практику технологий с учетом российской специфики, во-вторых, избежать ошибок, допущенных другими странами в исследуемой сфере. Кроме того, Россия, находясь в глобальном мире, не может быть изолирована от него, что неизбежно приводит к взаимопроникновению форм и способов осуществления электронного правосудия в развитых странах.

В рамках данного параграфа мы не сможем охватить вниманием все зарубежные страны, поэтому сконцентрируемся только на тех, в которых электронное правосудие достигло наибольшего развития. Так, среди стран, заслуживающих рассмотрения можно отметить Великобританию.

В Великобритании электронное правосудие начало развиваться после законодательной реформы 1998 года. Седьмая поправка к гражданскому судопроизводству закрепляла право каждого подавать исковое заявление в электронном виде. Основной целью такой новеллы было повышение скорости рассмотрения дел, связанных с взысканием денежных средств. В дальнейшем судами стали приниматься электронные иски по разным категориям дел, а параллельно с этим начали развиваться государственные сайты, принимающие государственную пошлину. Удобство такого формата привело к расширению перечня документов, которые можно подавать в электронном виде. На данный момент в Великобритании работает большое количество систем, позволяющих с наименьшими затратами времени и

средств подавать исковые заявления, приложения к ним, а также пояснения сторон относительно обстоятельств дела и другие документы.

Еще раньше, чем Великобритания, начиная с 1988 года, США стали создавать электронные базы данных, хранящих судебные документы. В США разработана электронная система максимального доступа граждан к судебным документам. Для этих целей управление судов создало специальный ресурс – PACER, позволяющий иметь доступ к интересующей судебной информации на возмездной основе. При этом, вносимая гражданами плата за полученную информацию полностью покрывает расходы на содержание и обслуживание данного сайта. Не смотря на умеренную плату, вносимых средств хватает, так как данный ресурс является достаточно популярным¹.

Образованная система электронного архива (CM/ESF) обеспечивает хранение и обработку судебных документов. Для того, чтобы получить доступ к необходимым документам, хранящимся в CM/ESF граждане используют систему открытого доступа (PACER). Кроме того, помимо PACER существует ряд частных баз данных, также представляющих доступ к электронным архивам. Система CM/ESF была введена для нескольких окружных судов в 1996 году, а уже в 1998 году она стала работать во всех федеральных судах. Использование такой системы существенно сократило расходы на хранение документации и поиск необходимых материалов, так как широко применяемое в США прецедентное право порождает большое множество судебных решений, поиск которых традиционными методами весьма затруднителен.

Система CM/ESF с 2001 года стала использоваться для подачи электронных документов в суд. При этом каждый суд управляет своим сервером самостоятельно, что свидетельствует о достаточной степени организационной децентрализации при обеспечении работы

¹ Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. – 2019. Т. 19. – № 6. С. 36-47.

централизованной базы данных. Максимальное заполнение электронных баз данных обеспечивается также требованием о подаче иска в электронном виде, с сохранением подачи иска на бумажном носителе только в виде исключения. Переход на подачу документов в электронном виде привел к смягчению некоторых требований, касаемых верификации иска, где для замены подписи гражданина достаточно использования им пароля и логина CM/ESF.

В целом электронное правосудие в США достаточно развито, что не только облегчает подачу гражданами различных документов в суд, но и само ведение дел в электронном формате и включение их в базу данных, позволяет людям при подготовке к судебному заседанию знакомиться с судебной практикой, что особенно важно в условиях прецедентного права.

Не менее чем в США, электронное правосудие развито в Сингапуре, также широко использующего англо-саксонскую систему права. После реформ Ли Куан Ю Сингапур из отсталой страны Юго-Восточной Азии превратился в одну из крупнейших экономик региона с сильно развитыми цифровыми технологиями. Еще в 1997 году суды начали принимать иски в электронном виде, а к 2000 году такая форма искового заявления стала обязательной. Столь быстрый переход от экспериментального нововведения до его императивного закрепления может быть объяснен не только компактностью этого государства и авторитарным стилем правления, но, прежде всего эффективностью электронного документооборота, повысившего качество правосудия.

Электронное правосудие Сингапура обеспечивается системой EFS, автоматически анализирующей поступающие документы и направляющей их в регистр для последующей обработки. Работа этой системы позволила существенно сократить время обработки документов, уменьшить количество ошибок, вызванных человеческим фактором и освободить значительную часть людских ресурсов в суде. С 2011 года EFS стала заменяться системой IELS, повысившей скорость и качество документооборота, а также

расширившей возможности ознакомления с судебными документами. В настоящее время, благодаря данной системе, около девяноста процентов всех документов направляются в суд через Интернет, при этом документы, таким способом получают и иные участники процесса, что экономит время и средства отправителя, граждане могут получать судебные выписки из дома, минуя очное обращение, а также, используя систему Law Net, получать необходимую информацию из баз данных Верховного Суда и иных судов. Доступность и широкое распространение электронного правосудия Сингапура сочетается с весьма эффективными мерами безопасности, предполагающими использование электронных подписей, уникальных кодов пользователей и обеспечение их электронными ключами¹.

В Канаде электронное правосудие также весьма широко распространено, но с некоторыми особенностями. В 2002 году начала разрабатываться электронная система подачи документов в суд. При этом, каждый суд самостоятельно определял какие документы и каким образом (через специальный сайт или электронную почту) должны направляться в суд. В 2008 году Верховный Суд Канады дал рекомендации относительно электронного способа подачи документов, в частности указав на необходимость направления апелляционных жалоб в электронном виде, притом, что требование о предоставлении жалоб на бумажном носителе было сохранено. Можем отметить децентрализацию правового регулирования электронного правосудия, при которой в некоторых судах подача электронных документов является обязательной, в других судах – на усмотрение участников процесса. По подобию электронной системы США и Сингапура, в Канаде также функционирует электронная база данных судебных документов, к которой предоставлен публичный доступ.

Что касается стран, относящихся к континентальной семье права, то особый интерес представляет Германия. В этой стране функционирует

¹ Купчина Е.В. Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: опыт Сингапура // Международная научно-практическая конференция «Инновационные аспекты развития науки и техники», Саратов, 10 ноября 2020 г. С. 92-99.

электронная система EGVP, обеспечивающая непрерывный доступ к судебным документам, автоматические извещения, безопасный способ передачи данных с использованием криптографии. Такая система не заменяет полностью бумажный документооборот, а работает как дополнение к ней.

Документы, направляемые в суд в электронном виде, должны быть заверены электронной подписью. Электронные ресурсы судов Германии предоставляют инструкции по правильному заполнению документов, что делает такую форму обращения доступной для самого широкого круга граждан. Следует обратить внимание на то, что стремление к доступности правосудия выражается не только в предоставлении максимального объема информации по перечню необходимых документов, правилам их оформления и отправки, но и в простом, понятном языке изложения, содержащим минимум юридических терминов. При этом, для граждан с ограниченными возможностями информация предоставляется в виде аудио файлов.

Вынесенные судебные решения также выкладываются в электронном виде. Это позволяет сторонам процесса, при подготовке к судебному заседанию, знакомиться с судебной практикой по аналогичным делам, не покидая своего офиса или дома¹.

Кроме расширения возможностей подачи документов в суд в электронном виде, а также публичного доступа к судебным документам, в ряде стран развиваются алгоритмы автоматической обработки данных. Так, по свидетельству П.Н. Бирюкова, в Нидерландах с 2015 года работает платформа посредничества и примирения, распространяющаяся на гражданско-правовые споры между физическими лицами. Во Франции, имеющей более пятидесяти кодексов, десяти тысяч законов и около ста тридцати тысяч подзаконных актов, в 2016 году был принят закон о цифровой Республике. Данный закон регламентирует доступ к цифровой информации и порядок обмена ей, чем был облегчен сбор

¹ Муромская Ю.В. Электронная форма судопроизводства за рубежом // Инновационная наука. – 2019. – № 4. С. 136-140.

заинтересованными сторонами необходимых данных при подготовке к судебному процессу, а также обобщению судебной практики по тем или иным категориям дел. Быстрый поиск и обработка документов позволили применять алгоритмы разрешения стандартных споров. К примеру, если дело касается семейных споров, то после заполнения определенных критериев (наличие детей, их возраст, работоспособность супругов и т.д.) система подбирает похожие дела и варианты исхода такого спора¹.

В Израиле работает электронная автоматизированная система, при помощи которой суд распределяет между участниками необходимые действия, которые они должны совершать. То есть помимо обеспечения возможности подачи документов в электронном виде, электронная система Израиля также уведомляет стороны о последовательности их процессуальных действий, что позволяет автоматизировать судебный процесс и тем самым повысить эффективность работы судов².

Исходя из приведенных примеров, можем отметить, что в рассматриваемых нами странах электронное правосудие не сводится только к подаче документов в электронном виде или проведению судебного заседания посредством сети Интернет. С каждым годом все более активно используется искусственный интеллект, автоматически обрабатывающий поступающие документы, осуществляющий документооборот, анализирующий данные, уведомляющий участников процесса о необходимых действиях и в целом, упорядочивающий судебный процесс. При этом, развитые страны различаются по сфере применения искусственного интеллекта. Так во Франции его функционал используется только в гражданских делах, тогда как в США и Великобритании он задействован и в уголовном процессе.

Развитие цифровых технологий, имеющее ускоренные темпы, опережают развитие правовых и организационных основ работы судебных систем стран мира, что затрудняет внедрение новых элементов электронного

¹ Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russia. – 2019. – №11 (156). С. 79-87.

² Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. – М.: Городец, 2017. С. 67.

правосудия в работу судов. Данная проблема характерна для всего мирового сообщества и не является уникальной для какой-то отдельной страны. Вместе с тем, опыт зарубежных стран показывает, что использование электронного правосудия является одним из приоритетных направлений их политики.

Таким образом, в завершение параграфа можем резюмировать следующее. Электронное правосудие достигло наиболее высокого уровня в технологически развитых странах. Такая связь, на первый взгляд, не столь очевидна, ведь если страна отстает в инновационном развитии и сама не производит цифровых технологий, то она импортирует эти технологии, а значит, может использовать их у себя. Однако, эмпирический опыт показывает, что если используются заимствованные технологии, без их самостоятельной разработки, то внедрение таких инноваций в судебную систему происходит медленнее и в меньшем объеме, чем в странах, производящих цифровые технологии. Как видно на примере зарубежных стран, каждое государство использует национальные системы обработки судебных документов, что может быть объяснено защитой государственного механизма (частью которого являются суды) от иностранного вмешательства. Поэтому развитие электронного правосудия напрямую связано не столько с общемировым прогрессом, сколько с уровнем цифрового развития конкретного государства.

Наибольших успехов в развитии электронного правосудия достигли США и Сингапур, разрабатывающие базы данных судебных документов и обеспечивающих широкий доступ к ним. Подача электронного искового заявления в суд, ставшая повсеместной практикой, все больше дополняется расширением перечня документов, которыми можно обмениваться в электронном виде, а также электронными уведомлениями участников судебного процесса.

Однако документооборот в электронном виде и возможность представления электронных доказательств, выступают лишь формой электронного правосудия, при которой все операции осуществляет человек.

Качественно новым уровнем развития электронного правосудия в развитых странах стало использование искусственного интеллекта, позволившее автоматизировать обработку документов и применять алгоритмы при совершении определенных процессуальных действий. Применение искусственного интеллекта позволило повысить качество рассмотрения дел, снизить влияние человеческого фактора и сократить временные затраты на осуществление правосудия. Думается, что именно это направление развития электронного правосудия должно стать приоритетным и в России.

3. ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

3.1 Практика использования электронных доказательств в судопроизводстве

Как и в иных технологически развитых странах, в последние годы в России наблюдается значительный рост судебных дел, рассматриваемых с применением электронных доказательств. Это обстоятельство нашло отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года¹ и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 года², закрепивших допустимость рассмотрения электронных документов при разрешении дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Ранее нами указывалось, что процессуальное законодательство не уделяет должного внимания электронным доказательствам, что вынуждает суды, рассматривающие дела, обращаться к разъяснениям Верховного Суда РФ, а также законам, содержащим нормы материального права. Так, Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под электронным документом понимаются документированные сведения, находящиеся в электронном виде, позволяющем при помощи специальных устройств передавать их по телекоммуникационным сетям, обрабатывать в информационных системах, а также являющиеся пригодными для восприятия человеком. Кроме того, этим законом приводится понятие электронного сообщения, под которым

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части 1 Гражданского кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ, август 2015. № 8.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ, январь 2017. № 1.

законодатель понимает сведения, переданные или полученные при помощи телекоммуникационной сети¹.

Приведенные законодательные определения электронных документов и электронных сообщений являются недостаточными для того, чтобы суды могли разрешать вопрос о принятии данных документов и сообщений в качестве доказательств. Поэтому главным ориентиром для судов общей юрисдикции и арбитражных судов в этом вопросе являются Постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые могут относиться как к использованию электронных доказательств в целом, так и к их применению при рассмотрении отдельных категорий дел. Так, особое внимание Пленум Верховного Суда РФ уделил использованию электронных доказательств при разрешении трудовых споров, указав, что в процессе выяснения судом того, существовали ли между истцом и ответчиком трудовые отношения, суд может принимать в качестве доказательств переписку сторон, осуществлявшуюся посредством электронной почты².

Необходимость применения электронных доказательств в трудовых спорах обусловлена существенными изменениями в организации и управлении трудовой деятельностью, произошедшими во многих ее направлениях, начиная от дистанционного найма на работу и заканчивая переходом на электронные трудовые книжки³. По этой причине, при разрешении трудовых споров сложилась судебная практика исследования и применения доказательств, представленных в электронном виде.

Так, обсуждения деловых вопросов между сторонами в мессенджерах, в качестве доказательств, подтверждающих факт трудовых отношений, принимались Омским областным судом, Самарским областным судом и

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 9 марта 2021 г.) // Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть 1). Ст. 3448.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ, июль 2018. № 7.

³ Туманов А.А. Электронное взаимодействие субъектов трудовых и непосредственно связанных с ними отношений: правовой аспект: дисс. к.ю.н. Екатеринбург, 2018. С. 48.

Свердловским областным судом. Признание отношений трудовыми, на основе SMS-переписки, осуществляли Алтайский краевой суд и Президиум Хабаровского краевого суда.

Данные электронной пропускной системы были приняты в качестве доказательства опоздания работника на работу Верховным судом Республики Саха (Якутия), а также Московским городским судом.

В вопросе расторжения трудового договора сложилась двоякая практика. Верховный суд Республики Коми и Московский городской суд, заявление об увольнении, отправленное по электронной почте, посчитали недостаточным основанием для расторжения трудового договора. В то же время, Президиум Кемеровского областного суда и тот же Московский городской суд приняли электронный отзыв заявления об увольнении достаточным для того, чтобы признать последующее увольнение незаконным. То есть, согласно правовым позициям вышеуказанных судов, работодатель не может уволить работника на основании его электронного заявления, тогда как работник может отозвать уже написанное заявление об увольнении в любом, в том числе и электронном виде.

Двоякая ситуация сложилась и с признанием электронного уведомления о предстоящем сокращении штата в качестве доказательств. Свердловский областной суд и Нижегородский областной суд считают, что такое уведомление допустимо, тогда как Верховный суд Республики Бурятия указал на неприемлемость электронного письма в качестве доказательства уведомления работника.

На стороне работника в вопросе прогула выступил Челябинский областной суд, посчитавший, что согласование работодателя и работника отсутствие последнего в определенный день на работе посредством мессенджера является доказательством незаконности увольнения работника за невыход на работу в указанный день. Аналогичное решение принял и Саратовский областной суд, применивший в качестве доказательства уведомления об отгуле сообщение по электронной почте. В то же время,

Московский городской суд не признал в качестве доказательства сообщение о переводе работника на другую должность по корпоративной электронной системе, в результате чего посчитал перевод работника незаконным¹.

В целом, отдавая предпочтение работнику, как более слабой стороне трудовых отношений, суд сохранил данный подход и в вопросе предъявления электронных доказательств сторонами спора. В то же время, как следует из практики Московского городского суда, электронная система пропусков все же применяется в качестве доказательства вины работника. Также доверие у суда вызывает и система электронного документооборота, используемая как доказательство в делах о материальной ответственности работника², о ненадлежащем исполнении должностных обязанностей³, о соблюдении порядка привлечения к дисциплинарной ответственности работника⁴.

Имевшая ранее большое распространение SMS-переписка в последние годы все больше заменяется сообщениями в мессенджерах (Viber, Telegram, WhatsApp и др.). Давая оценку данным видам электронных доказательств можем согласиться с П.С. Волкопяловой и М.И. Петровой в том, что SMS-сообщения и переписка в мессенджерах по своей природе схожи с перепиской по электронной почте, следовательно, будучи разновидностью электронных сообщений, они должны иметь схожий правовой режим оценки судами в качестве доказательств⁵. Анализ судебной практики использования этих доказательств показывает их перспективность, что видно, в частности из приведенных выше примеров разрешения трудовых споров.

Вместе с тем, как и в отношении иных электронных доказательств, в случае использования мессенджеров у судов пока не сложилось единой правоприменительной практики, вследствие чего некоторые суды отказываются признавать допустимость и достаточность таких

¹ Саликова Н.М., Батухтина Е.М. Электронный документ как доказательство: проблемы использования при разрешении трудовых споров // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 4. С. 103-110.

² Решение Промышленного районного суда г. Самары от 20 сентября 2017 г. по делу № 2-4497/2017.

³ Решение Пролетарского районного суда г. Твери от 7 июня 2017 г. по делу № 2-864/2017.

⁴ Решение Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 1 июня 2017 г. по делу № 2-1186/2017.

⁵ Волкопялова П.С., Петрова М.И. Электронные документы как доказательства в арбитражном процессе // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. С. 1174-1182.

доказательств. Так, в 2019 году Головинский районный суд города Москвы отказал в удовлетворении исковых требований, основывавшихся на содержании переписки в мессенджере сети Face book. В частности, у суда возникли сомнения по поводу часто встречаемого в исследуемой переписке обозначения оплаты услуг в виде знаков «8k». Истцом была представлена лингвистическая экспертиза, согласно которой «8k» означает краткую форму написания «восемь тысяч», однако суд посчитал это неубедительным и отказался принимать такое доказательство¹.

Исходя из рассмотренного примера, можно сделать вывод о том, что проблема использования мессенджеров в качестве доказательств большей частью сводится к их содержательной стороне, так как во время переписки люди используют разговорный стиль, сокращения слов или придают им иное значение, которое может быть понятно только в контексте. Все это может сделать предъявленное доказательство непригодным для использования, при том, что сама форма электронной переписки у большинства судов уже не вызывает сомнений.

Достаточно часто в качестве доказательств предъявляются снимки экрана электронного устройства (скриншоты). Так в 2020 году суды по интеллектуальным правам принимали скриншоты веб-архивов в ситуациях, при которых ответчик удалял определенный контент или блокировал Интернет-страницу, содержащую сведения, подтверждающие нарушение авторских прав истца. При этом, истец при помощи сервиса просмотра истории страницы нашел архивную копию, сделал ее скриншот и представил в суд, который в свою очередь признал такое доказательство допустимым².

Однако, если речь идет о скриншотах не страниц с сайта сети Интернет, а страниц электронной переписки, сделанных стороной судебного процесса без помощи специалиста и не имеющих должного заверения, то такие скриншоты некоторыми судами не принимаются в качестве

¹ Определение Головинского районного суда г. Москвы от 28 мая 2019 г. по делу № 02-1595/2019.

² Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 сентября 2020 г. № С01-952/2020 по делу № СИП-976/2019.

доказательств, так как, по мнению ряда судей, они не исключают возможности их самостоятельного изготовления стороной процесса.

В 2019 году Верховный Суд РФ разъяснил судам, что скриншоты могут быть использованы в качестве доказательств, указав при этом, на необходимость принятия во внимание следующих факторов. Во-первых, лицо, участвующее в деле должно заверить скриншот. Во-вторых, на бумажном носителе, содержащем скриншот, должен быть указан адрес страницы сети Интернет, с которого был сделан снимок экрана. В-третьих, необходимо указание на время получения скриншота¹. Данное разъяснение не может рассматриваться как нововведение, так как скриншоты принимались судами в качестве доказательств и до Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2019 года, которое стало скорее обобщением и приведением к общим правилам сложившейся судебной практики.

Тем не менее, судебная практика принятия скриншотов как доказательств остается все еще противоречивой. Даже среди судов, готовых рассматривать такой вид доказательств существуют расхождения: одни суды настаивают на необходимости нотариального удостоверения скриншота, другие суды, ссылаясь на нормы Основ законодательства РФ о нотариате, считают, что нотариальное удостоверение скриншота не обязательно².

Все большее распространение в качестве доказательства получает блокчейн, представляющий собой непрерывную структурированную последовательность блоков, содержащих ту или иную информацию³. Однако, в правоприменительной практике использование блокчейна пока затруднительно в силу отсутствия специального правового регулирования и отсутствия у судей необходимых познаний в сфере цифровых технологий, которые позволили бы им проверить такие доказательства на предмет

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении ч. 4 Гражданского кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ, июль 2019. № 7.

² См. напр.: Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 февраля 2020 г. по делу № А32-57217/2019; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 июля 2019 г. № Ф04-3411/2019 по делу № А75-5029/2018; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2020 г. № 08АП-2828/2020 по делу № А81-7660/2019 и др.

³ Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Блокчейн-технологии в правовом пространстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 2 (40). С. 108-112.

достоверности. Последняя часть проблемы, по мнению А.А. Тытюковой может быть решена за счет привлечения экспертов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть достоверность сведений, содержащихся в блокчейне¹. Принимая во внимание невозможность привлечения экспертов для дачи заключения по каждому представленному в суд доказательству, мы все же согласимся с А.А. Тытюковой в том, что блокчейн может и должен занять свое место в системе электронных доказательств, то есть суды не вправе отвергать его только на том основании, что им не совсем понятен механизм работы блокчейна, а возникающие у суда сомнения в достоверности этого доказательства должны разрешаться посредством обращения к экспертам. Все это позволит, во-первых, представлять блокчейн в качестве доказательства, что особенно важно в ситуации, когда он является единственным доказательством, во-вторых, предотвратить недобросовестные манипуляции со стороны участника процесса, представившего данное доказательство.

Завершая параграф, можем отметить следующее. Анализ судебной практики показывает, что в качестве электронных доказательств чаще всего используются электронные документы, электронные образы документов, аудио и видео файлы, переписка по электронной почте, SMS-переписка, сообщения в мессенджерах, скриншоты, электронная система пропусков, системы электронного документооборота и др. Отсутствие специального нормативно-правового регулирования всего разнообразия электронных доказательств, приводит к тому, что у судов нет единой практики по их использованию. Один и тот же вид электронного доказательства разными судами может приниматься или отвергаться, в зависимости от правоприменительного усмотрения суда, что явно негативно отражается на качестве правосудия в целом.

¹ Тытюкова А.А. Арбитражный процесс и блокчейн: возможности и перспективы // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2019. Т. 5. – № 2. С. 289-293.

Из-за стремительного развития цифровых технологий и внедрения их в повседневную жизнь, суды постоянно сталкиваются с новыми видами электронных доказательств, предъявляемых сторонами процесса, притом, что судьи зачастую не обладают специальными познаниями в области цифровых технологий, позволяющими давать таким доказательствам адекватную оценку.

Решением выявленных проблем может стать нормативно-правовое закрепление основных видов электронных доказательств, что сделает судебную практику по их использованию более единообразной, и как следствие повысит качество правосудия в области оценки доказательств.

При этом, став неотъемлемой частью жизни людей, электронная переписка, создание электронных доказательств, аудио, видео сообщений на цифровых носителях и др. прочно вошли в систему судебных доказательств, стали судам привычны, а судебная практика выработала критерии их оценки. То же самое будет происходить и с новыми видами электронных доказательств, которые судам пока мало знакомы. Решением проблемы достоверности таких доказательств должно стать привлечение экспертов, частота обращений к которым, по мере наработки судебной практики будет снижаться.

3.2 Проблемы корреляции электронных доказательств и электронного правосудия

Применение цифровых технологий в деятельности судов – это не только расширение доступа к судебным документам, но и изменение судопроизводства на качественном уровне. Электронное правосудие в широком смысле является осуществлением судами своей функции с использованием цифровых технологий, затрагивающих такие области как представление документов, извещение сторон и иных лиц, участвующих в

деле, проведение судебных заседаний дистанционно, фиксация процессуальных действий, информирование граждан, осуществление автоматического документооборота и др.

Развитие электронного правосудия, несомненно, положительно сказывается на реализации гражданами конституционных прав в сфере судебной защиты, так как делает правосудие более доступным, ускоряет рассмотрение дел, сокращает материальные затраты на проезд, проживание и другие расходы, связанные с участием в деле, уменьшает территориальные проблемы доступа суда, повышает скорость и качество документооборота, позволяет осуществлять общественный контроль за ходом судебного разбирательства¹.

При этом, электронное правосудие не тождественно простому использованию судами электронных устройств и телекоммуникационных сетей, которые использовались бы как вспомогательное средство. Электронное правосудие – это качественно новый уровень, на котором цифровые технологии становятся уже процессуальным средством. Рассмотренный нами зарубежный опыт свидетельствует о том, что в странах, где электронное правосудие получило наибольшее развитие, изменились сами подходы к деятельности судов, повлекшие трансформацию процессуального законодательства, изначально не рассчитанного на применение цифровых технологий. То есть простое использование цифровых технологий для передачи и фиксации информации в суде, идущее параллельно с традиционными средствами, возможно и на основе старого законодательства, в которое достаточно внести нормы о дублировании документов в электронном виде. Однако, вхождение в деятельность суда новых технологий, заменяющих собой традиционные средства (к примеру, автоматическая обработка документов без участия человека) уже влечет более серьезный пересмотр процессуальных правил.

¹ Дарда А.В. Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия // Юридическая наука. – 2020. – № 10. С. 60-64.

При осуществлении правосудия важным является то, каким способом передается и фиксируется информация. В настоящее время основным способом фиксации информации является письменная форма. Даже устность судебного разбирательства обязательно сопровождается ведением протокола судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий. Такая форма фиксации выступает как самодостаточное средство, которое не нуждается в дублировании при помощи иных средств. Соответственно, электронные средства переходят из вспомогательных в процессуальные только в том случае, когда их применение становится достаточным и исключает использование применяемых ранее средств. Такой качественный переход будет выражаться в том, что, к примеру, подача искового заявления в электронном виде не потребует дублирования на бумажном носителе, а его обработка в суде произойдет автоматически в электронном виде без переноса информации на бумагу и двойного документооборота.

Иными словами, электронное правосудие предполагает обязательность применения электронных технологий, которые не могут быть подменены другими средствами. Вместе с тем, сложность некоторых дел, требующая личного участия сторон, а также необходимость исследования вещественных доказательств, не позволяет полностью заменить обычный судебный процесс электронным правосудием. Поэтому речь идет о переходе на цифровые технологии в тех случаях, когда это возможно.

Развитие электронного правосудия неизбежно изменяет процессуальную форму деятельности судов. При этом, процессуальная форма важна не сама по себе, а только лишь как гарантия обеспечения фундаментальных принципов правосудия, направленных на максимальную защиту конституционных прав и свобод граждан. Как нами указывалось выше, электронное правосудие не сводится только к цифровизации устоявшегося процесса, а изменяет его на качественном уровне. Проведение судебного заседания в дистанционном формате, посредством сети Интернет отличается от очного заседания, что влечет пересмотр самих правил

проведения такого заседания с учетом особенностей дистанционного формата. Замена ручной обработки поступающих в суд документов или рассылки уведомлений на автоматизированную, нуждается в корректировке судебных регламентов в этой части. Представление в суд электронных доказательств, имеющих свои специфические черты, требует выработку правил их рассылки всем участникам процесса, исследования, а также возражений относительно этих доказательств. Электронный документооборот ускоряет работу судов, что может быть основой для пересмотра процессуальных сроков в сторону их уменьшения.

При этом, изменение процессуальных форм не должно искажать принципы правосудия, так как их основная цель не упрощение работы судов, а защита конституционных прав и свобод граждан. Поэтому все элементы электронного правосудия должны рассматриваться через призму конституционных принципов правосудия.

Так, подача искового заявления и иных документов в электронном виде многократно усиливает доступность правосудия, позволяя избегать затрат на доставку документов. Это особенно актуально при обращении в арбитражные суды, находящиеся в других городах, а также в апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции. Вместе с тем, переход на обязательную электронную форму документов, для отдельных граждан, не имеющих навыков обращения с электронными устройствами, может наоборот сделать правосудие менее доступным. По этой причине закрепление возможности подачи документов в электронном виде нами оценивается положительно, а установление обязательности такой подачи, в настоящее время видится несовместимым с конституционными принципами правосудия.

Указание М.Н. Зарубиной на то, что возможность подачи иска в электронном виде ставит граждан в неравное положение, так как отправка искового заявления через сервис «Электронное правосудие» освобождает от необходимости представления бумажных копий документов, в то время как к

иску на бумажном носителе необходимо прикладывать копии¹, по нашему мнению несостоятельно. Возможность подачи иска в электронном виде не умаляет права других поступить также, при этом значительно облегчает обращение в суд. Попытка уравнивать всех с позиции граждан, не имеющих возможности или не желающих отправлять электронное исковое заявление, необоснованно ограничит возможности остальных лиц и станет препятствием для дальнейшего развития электронного правосудия. Закон не устанавливает для кого-либо ограничений, с одновременным разрешением другим, а предоставляет равные возможности всем гражданам, которые могут по-разному ими воспользоваться, что не является дискриминацией и не нарушает принцип равенства всех перед законом и судом.

Электронный обмен документами, идентификация сторон, а также электронные уведомления участников процесса не должны нарушать принцип равенства всех перед судом. Отсутствие у гражданина технических возможностей получения электронных документов ставит его в неравное положение с теми гражданами, которые такие возможности имеют. Поэтому переход на данную форму обмена информацией должен происходить только с согласия всех заинтересованных сторон.

Электронное правосудие затрагивает принцип гласности в контексте конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни. Видеофиксация судебного процесса, а также электронный доступ к материалам дела ставит вопрос о том, какой объем информации, озвученной в ходе судебного разбирательства, могут находить пользователи электронных баз данных. Данный вопрос также тесным образом связан с проблемой обеспечения защиты информации. В соответствии с федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» при

¹ Зарубина М.Н. Проблемы, возникающие при применении электронных документов в деятельности судов // Судья. – 2017. – № 11. С. 30-34.

размещении решений судов в сети Интернет, персональные данные потерпевших должны быть удалены из судебных решений¹.

Оказывая существенное влияние на процессуальные формы, электронное правосудие меняет подходы и к средствам доказывания, среди которых все большее значение приобретают электронные доказательства. Мы не можем согласиться с М.А. Митрофановой в том, что в качестве доказательства важна только информация, безотносительно к ее электронному носителю². Рассмотренные нами в первой главе специфические черты и проблемы использования электронных доказательств показывают, что значение имеют и содержание и форма доказательства, особенно в контексте электронного правосудия.

При этом, определенно прослеживается корреляция между электронными доказательствами и электронным правосудием. Развитие системы электронного правосудия влияет на распространение использования в суде электронных доказательств, совокупность которых образует отдельный элемент электронного правосудия. В то же время, широкое внедрение в судебную практику электронных доказательств позволяет развивать само электронное правосудие. Также, несомненна зависимость электронного правосудия от электронных доказательств в значительно большей степени, чем наоборот.

Электронные доказательства могут использоваться и в рамках классического судебного процесса, расширяя доказательную базу, но не меняя сущности процесса. То есть применение электронных доказательств возможно и в отсутствие электронного правосудия, понимаемого нами в том смысле, какой ему был придан в начале параграфа. В то же время, функционирование основных элементов электронного правосудия станет затруднительным, а в отдельных случаях и невозможным без использования

¹ Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) Собрание законодательства РФ от 29 декабря 2008 г. № 52 (часть 1). Ст. 6217.

² Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореферат дисс. к.ю.н. Саратов, 2013. С. 13.

электронных доказательств. Если исковое заявление подается в электронном виде, а судебное заседание проводится дистанционно, посредством телекоммуникационных сетей, то участниками процесса будут исследоваться электронные доказательства, что совместимо с дистанционным форматом судебного заседания, в противном случае, при необходимости исследования иных доказательств, заседание должно быть очным.

Таким образом, чем больше электронные доказательства будут замещать собой иные доказательства, тем больше оснований появляется для полноценного перехода к электронному правосудию. И наоборот, доминирование традиционных доказательств в силу отсутствия или слабой развитости применения электронных доказательств не позволит развивать ключевые элементы электронного правосудия.

Исходя из такого коррелирования, можем заключить, что развитие электронного правосудия, являющегося важной составляющей обеспечения и защиты конституционных прав граждан, напрямую связано с расширением использования электронных доказательств. По этой причине, существующие проблемы использования электронных доказательств оказывают непосредственное влияние на электронное правосудие, следовательно, сделанные нами в ходе исследования предложения по совершенствованию действующего законодательства в сфере электронных доказательств позволит разрешить часть проблем самого электронного правосудия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая диссертационное исследование, мы можем сделать следующие выводы и предложения. Конституционные принципы обеспечения и защиты прав человека в судебном процессе основываются на доказывании тех обстоятельств, на которые сторона ссылается, что вытекает из закрепленной в Конституции РФ презумпции невиновности в самом широком смысле слова. Закрепляя общие положения, касаемые доказывания, Конституция РФ не содержит препятствий для расширения средств доказывания, обусловленного развитием цифровых технологий. Напротив, развитие таких технологий позволяет более эффективно защищать каждому свои конституционные права в суде, что обуславливает необходимость уточнения правовой природы и особенностей законодательного регулирования электронных доказательств.

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что электронные доказательства относятся к письменным доказательствам, так как, во-первых, содержат сведения о фактах, необходимы для установления определенных обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела, во-вторых, эти сведения записаны при помощи различных знаковых систем и могут храниться как на сайтах сети Интернет, так и на материальных носителях. При этом, наличие материальных носителей не позволяет относить электронные доказательства к вещественным, так как доказательством выступает записанная на них информация, а носитель является только средством ее хранения и передачи.

Наибольшая часть электронных доказательств представлена электронными документами, которые имеют двоякую природу: документ изначально созданный в электронном виде и документ, созданный на бумажном носителе, а затем переведенный в цифровой формат. Помимо электронных текстовых документов доказательствами являются фото, видео или аудио файлы, также относимые к письменным доказательствам, так как

они отображают сведения о предмете, событии или явлении, но сами предметами не являются.

Электронные доказательства имеют свою специфику, отличающую их от иных письменных доказательств, поэтому при исследовании электронных доказательств необходимо учитывать особенности способов изготовления информации, наличие технических возможностей по искажению этой информации, ее уничтожению и др. Такие особенности позволяют отнести нам электронные доказательства в отдельную категорию письменных доказательств, для более эффективного использования которых необходимо особое правовое регулирование с учетом проблем, порождаемых самой спецификой таких доказательств.

Проблемы использования электронных доказательств большей своей частью лежат в области соответствия их требованиям допустимости и достоверности. Проблемы допустимости кроются в том, что широкое распространение цифровых технологий значительно опережает правовое регулирование сбора доказательств, в результате чего имеющиеся электронные доказательства, отвечающие всем иным требованиям, не могут быть приняты в качестве допустимых, так как нормы, к примеру, запрещающие съемку лица без его согласия не были рассчитаны на повсеместное применение камер уличного видеонаблюдения или видео и аудио фиксацию происходящего каждым гражданином. Кроме того, нормы о персональных данных, вытекающие из конституционных установлений о неприкосновенности частной жизни, ограничивают легитимный доступ к соответствующим данным со стороны частных лиц, являющихся участниками судебного процесса. При этом, доступ к таким данным гражданами существенно затруднен по сравнению с правоохранительными органами, что создает проблему обеспечения равенства возможностей по сбору доказательств всеми сторонами процесса.

Особенности создания, изменения, удаления с Интернет-страниц или сайтов, а также авторства электронных документов порождают проблемы

определения их достоверности, которые обусловлены отсутствием у судей специальных познаний в области цифровых технологий с одновременной объективной невозможностью обязательной экспертизы каждого электронного доказательства.

Вместе с тем, не смотря на существующие проблемы, электронные доказательства занимают все больше места во всей системе доказательств, в связи с чем в процессуальном законодательстве необходимо уделение им большего внимания.

Осуществление судом правосудия основывается на конституционных принципах, образующих исходные положения реализации судебной власти. Рассмотренные нами в ходе исследования принципы правосудия являются универсальными и лежат в основе всех видов судопроизводства, осуществляемого как в классической форме, так и с использованием цифровых технологий. Соответственно, стремительно развивающееся электронное правосудие также должно неукоснительно соответствовать этим принципам.

Электронное правосудие появлялось и развивалось в разных видах судопроизводства неравномерно. Наличие у юридических лиц, являющихся основными участниками арбитражного процесса, больших технических возможностей, чем у граждан, привело к опережающему внедрению элементов электронного правосудия именно в арбитражном процессе. Развитие цифровых технологий и доступность для граждан электронных устройств со временем сделали распространение электронного правосудия более равномерным по всем видам судопроизводства, а цифровизация повседневной жизни людей привела к активному использованию всеми судами ключевых элементов электронного правосудия. При этом, электронное правосудие расширяет возможности граждан, но не подменяет собой традиционного правосудия, что является важным для людей, не имеющими возможности использования цифровых технологий.

Пандемия коронавируса расширила использование электронного правосудия, дополнив его веб-конференцией, позволяющей гражданам, в отличие от видеоконференцсвязи, коммуницировать с судом из дома. В силу отсутствия законодательного регулирования веб-конференции нами предлагается внести дополнения в процессуальное законодательство, закрепляющие данный режим связи, а также устанавливающие требования к используемым для этого системам, в целях защиты передаваемой информации от постороннего вмешательства. Кроме того, помимо законодательного закрепления веб-конференций, необходимо принятие законодательных мер по унификации правового регулирования подачи исков в электронном виде, а также по установлению гарантий на дистанционное участие граждан в судебном процессе.

Исходя из опыта зарубежных стран и оценивая дальнейшие перспективы развития электронного правосудия в России, можем предположить не только увеличение областей цифровизации, но и все более активное применение искусственного интеллекта при осуществлении правосудия. Такая роботизация правосудия может иметь как недостатки (отсутствие у искусственного интеллекта нестандартного мышления, влекущее сбои при рассмотрении неожиданных обстоятельств дела, вопросы наделения его правоприменительной дискрецией и др.), так и положительные стороны (достижение полной объективности суда, уменьшение материальных затрат, а также нагрузки на судей и др.). При этом, если использование электронных средств выступает в качестве формы электронного правосудия, осуществляемого все-же человеком, то роботизация правосудия сделает его электронным по содержанию.

Анализ современной судебной практики показывает, что отсутствие специального нормативно-правового регулирования всего разнообразия электронных доказательств, приводит к тому, что у судов нет единой практики по их использованию. Один и тот же вид электронного доказательства разными судами может приниматься или отвергаться, в

зависимости от правоприменительного усмотрения суда, что явно негативно отражается на качестве правосудия в целом.

Из-за стремительного развития цифровых технологий и внедрения их в повседневную жизнь, суды постоянно сталкиваются с новыми видами электронных доказательств, предъявляемых сторонами процесса, притом, что судьи зачастую не обладают специальными познаниями в области цифровых технологий, позволяющими давать таким доказательствам адекватную оценку.

Решением выявленных проблем может стать нормативно-правовое закрепление основных видов электронных доказательств, что сделает судебную практику по их использованию более единообразной, и как следствие повысит качество правосудия в области оценки доказательств.

При этом, став неотъемлемой частью жизни людей, электронная переписка, создание электронных доказательств, аудио, видео сообщений на цифровых носителях и др. прочно вошли в систему судебных доказательств, стали судам привычны, а судебная практика выработала критерии их оценки. То же самое будет происходить и с новыми видами электронных доказательств, которые судам пока мало знакомы. Решением проблемы достоверности таких доказательств должно стать привлечение экспертов, частота обращений к которым, по мере наработки судебной практики будет снижаться.

Исследование электронных доказательств в контексте электронного правосудия показало несомненную корреляция между ними. Развитие системы электронного правосудия влияет на распространение использования в суде электронных доказательств, совокупность которых образует отдельный элемент электронного правосудия. В то же время, широкое внедрение в судебную практику электронных доказательств позволяет развивать само электронное правосудие. Также, несомненна зависимость электронного правосудия от электронных доказательств в значительно большей степени, чем наоборот.

Исходя из этого можем заключить, что развитие электронного правосудия, являющегося важной составляющей обеспечения и защиты конституционных прав граждан, напрямую связано с расширением использования электронных доказательств. По этой причине, существующие проблемы использования электронных доказательств оказывают непосредственное влияние на электронное правосудие, следовательно, сделанные нами в ходе исследования предложения по совершенствованию действующего законодательства в сфере электронных доказательств позволят разрешить ряд проблем самого электронного правосудия, что в свою очередь усилит гарантии судебной защиты конституционных прав граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 14 марта 2020 г.) // Российская газета. - 1993. - 25 декабря - № 237.
2. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 9 ноября 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 1994 г. № 13. Ст. 1147.
3. Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах Российской Федерации» от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 1995 г. № 18. Ст. 1589.
4. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 1997 г. № 1. Ст. 1.
5. Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (в редакции от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 14 февраля 2011 г. № 7. Ст. 898.
6. Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в редакции от 2 августа 2019 г.) // Собрание законодательства РФ от 2014 г. № 6. Ст. 550.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть 1). Ст. 4921.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ от 7 января 2002 г. № 1 (часть 1). Ст. 1.

9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3012.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 18 ноября 2002 г. № 46. Ст. 4532.

11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 9 марта 2015 г. № 10. Ст. 1391.

12. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 11 марта 1993 г. № 10. Ст. 357.

13. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 9 марта 2021 г.) // Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть 1). Ст. 3448.

14. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (часть 1). Ст. 3451.

15. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 г.) Собрание законодательства РФ от 29 декабря 2008 г. № 52 (часть 1). Ст. 6217.

16. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 2 августа 2010 г. № 31. Ст. 4197.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений ст.ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ от 2004 г. № 27. Ст. 2804.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // Собрание законодательства РФ от 2016 г. № 31. Ст. 5088.

19. Определение Конституционного Суда РФ от 2006 г. № 289-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Слепухина А.Ю. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 17 УПК РФ» // Официально опубликован не было. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

20. Определение Конституционного Суда РФ от 2010 г. № 1190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мальцева В.П. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 17 и ст. 75 УПК РФ» // Официально опубликован не было. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ» (в ред. от 19 декабря 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ, апрель 2012 г. № 4.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части 1 Гражданского кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ, август 2015. № 8.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ, январь 2017. № 1.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей

юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ, апрель 2018 г. № 4.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ, июль 2018. № 7.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении ч. 4 Гражданского кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ, июль 2019. № 7.

27. Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 «Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции» (утратил силу с 11 мая 2020 г.) // Официально опубликован не было. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

28. Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 «О внесении изменений в Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821» // Официально опубликован не было. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

29. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 сентября 2020 г. № С01-952/2020 по делу № СИП-976/2019.

30. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 июля 2019 г. № Ф04-3411/2019 по делу № А75-5029/2018.

31. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2020 г. № 08АП-2828/2020 по делу № А81-7660/2019.

32. Решение Промышленного районного суда г. Самары от 20 сентября 2017 г. по делу № 2-4497/2017.

33. Решение Пролетарского районного суда г. Твери от 7 июня 2017 г. по делу № 2-864/2017.

34. Решение Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 1 июня 2017 г. по делу № 2-1186/2017.

35. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 февраля 2020 г. по делу № А32-57217/2019.

36. Определение Головинского районного суда г. Москвы от 28 мая 2019 г. по делу № 02-1595/2019.

Научная и учебная литература

37. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. -12-е изд., изм. и доп. -М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. - 768 с.

38. Бутусова Н.В. Государственно-правовые отношения между государством и личностью: монография. 2-е изд., перераб. и доп., учеб. - М.: Юрайт, 2018. -165 с.

39. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. – М.: Проспект, 2013. - 616 с.

40. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: Учебно-практическое пособие. – М.: Городец, 2013. - 247 с.

41. Зазулин А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. - 168 с.

42. Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореферат дисс. к.ю.н. Саратов, 2013. – 26 с.

43. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - 704 с.

44. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. – М.: Городец, 2017. – 304 с.

45. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: коллективная монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. – М.: РИОР, 2020. – 349 с.

46. Ренц И.Г. Факты и доказательства в международном гражданском процессе: теоретические проблемы: автореферат дисс. д.ю.н. Екатеринбург, 2018. – 46 с.

47. Туманов А.А. Электронное взаимодействие субъектов трудовых и непосредственно связанных с ними отношений: правовой аспект: дисс. к.ю.н. Екатеринбург, 2018. – 211 с.

48. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М.: Проспект, 2020. – 640 с.

Публикации в научных журналах, сборниках и СМИ

49. Абрашин А.А. Раскрытие доказательств как элемент судебного доказывания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 1 (138). С. 265 - 274.

50. Амиралиев У.М. Использование систем видеоконференцсвязи при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции // Закон и право. – 2021. – № 2. С. 106 - 108.

51. Алисов А.Н. Теоретико-правовые аспекты конституционного права на доступ к правосудию // Вестник Поволжского института управления. – 2020. Т. 20. – № 2. С. 62 - 69.

52. Артебякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 274 - 278.

53. Брянская Е.В. Понятие и виды доказательств в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 4 (63). С. 86 - 92.
54. Бурганова Г.В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 354 - 361.
55. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. – 2019. Т. 19. – № 6. С. 36 - 47.
56. Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Блокчейн-технологии в правовом пространстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 2 (40). С. 108 - 112.
57. Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russia. – 2019. – №11 (156). С. 79 - 87
58. Волкопялова П.С., Петрова М.И. Электронные документы как доказательства в арбитражном процессе // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. С. 1174 - 1182.
59. Гандалоев Р.Б., Албогачиев А.А. Понятие доказательств и доказывания // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 5. С. 65 - 68.
60. Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 170 - 188.
61. Голубцов В.Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском процессе // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. С. 379 - 387.
62. Ганижева П.М. Вопрос о признаках и принципах правосудия в Российской Федерации // Инновационная наука. – 2020. – № 3. С. 63 - 65.
63. Дикова И.В. Принцип законности как основа судебной власти // Закон и право. – 2021. – № 3. С. 33 - 34.

64. Денисов И.С. Электронное правосудие и доступ граждан к правовой информации // Вестник волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 3 (22). С. 2 - 4.

65. Дубень А.К. История института заочного производства в гражданском процессе: поиски частного и общего // Образование и право. – 2020. – № 11. С. 139 - 146.

66. Дарда А.В. Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия // Юридическая наука. – 2020. – № 10. С. 60 - 64.

67. Журавлева М.Д. Электронная переписка как доказательство в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2020. – № 4 (11). С. 31 - 38.

68. Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. С. 189 - 204.

69. Заплатина Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. – 2019. – № 4. С. 160 - 168.

70. Зарубина М.Н. Проблемы, возникающие при применении электронных документов в деятельности судов // Судья. – 2017. – № 11. С. 30 - 34.

71. Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 3 (26). С. 46 - 51.

72. Казарина М.И. Отвод и самоотвод судьи как гарантия независимости судей // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 459. С. 235 - 241.

73. Капустин О.А. Организация автоматизированного распределения дел в федеральном суде общей юрисдикции // Закон и право. – 2019. – № 1. С. 129 - 134.

74. Купчина Е.В. Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: опыт Сингапура // Международная научно-практическая конференция «Инновационные аспекты развития науки и техники», Саратов, 10 ноября 2020 г. С. 92 - 99.

75. Коваленко К.Е., Печатнова Ю.В., Стаценко Д.А., Коваленко Н.Е. Судья-робот как преодоление судебного усмотрения (юридические аспекты) // Юридический вестник ДГУ. – 2020. Т. 36. – № 4. С. 169 - 173.

76. Кухтурская Е.А. Использование электронных доказательств в цивилистическом процессе: проблемы теории и практики // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 4 (47). С. 70 - 74.

77. Муратов К.Д. Вещественные доказательства в системе доказательств в уголовном судопроизводстве // Закон и право. – 2021. – № 2. С. 83 - 88.

78. Муромская Ю.В. Электронная форма судопроизводства за рубежом // Инновационная наука. – 2019. – № 4. С. 136 - 140.

79. Никитин А.А. Установление фактической основы дела как элемент механизма формирования правоприменительного усмотрения // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2020. Том 1. – № 3. С. 36 - 47.

80. Никиташина Н.А., Марьясов К.В. Электронные доказательства в цивилистическом процессе // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 1 (92). С. 74 - 79.

81. Пестова Т.П. Правовая природа информационных технологий в административном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2020. Т. 20. – № 1. С. 96 - 101.

82. Саликова Н.М., Батухтина Е.М. Электронный документ как доказательство: проблемы использования при разрешении трудовых споров // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 4. С. 103 - 110.

83. Тытюкова А.А. Арбитражный процесс и блокчейн: возможности и перспективы // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2019. Т. 5. – № 2. С. 289 - 293.

84. Федюкина А.Ю. О месте электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. С. 81 - 83.

85. Шахова А.М. Цифровизация в гражданском процессе: проблемы доказывания // Юридическая наука. – 2020. – № 7. С. 32 - 36.

86. Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. Доказывание в гражданском процессе РФ: состояние теории и законодательства // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. С. 98 - 100.

87. Юсупова Э.П. Электронные доказательства в гражданском процессе: специфика и проблемы правового регулирования // Аллеи науки. – 2017. Т. 4. – № 9. С. 766 - 769.

88. Юрловская А.А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Фемида.Science. – 2018. – № 1 (17). С. 39 - 42.